

ВЕСТНИК государственного университета «Дубна»

#1 2020

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

ГЛАВА А М, АБНЕН, А, СТАТИИ, ОБЕГОХЪ
АНИСАХЪ, И ЦЕРКОВНЫХЪ МАТЕЖНИКАХЪ

Будетъ кто и новобрца кикла нисоуди б
или и рбиской человекъ, возложитъ хв
гда бга иппа нашего гла хрта, или нар
шью его прчтвю блццд нашд бцц и
двд мрю, или начтныи кртъ, или
его оугодникъ, и протò выкивати
ми выкии накрбиско, дабудетъ выш
протò допрама, и того бгохуаника облич
казнити зжечь.

Будетъ какой бичинникъ пришедъ въ
црковь бжю во время стыл антвргин, ника
кимъ нисоуди обычаемъ, бжтвенныи ли
твргин совершити недастъ, и его и зымаву
исыслабъ пронего допрама, что онъ такъ
оучини, казнити смертию безъволькя поцады.

Тема номера:
**СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ПРАВА
И ЮРИДИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
РОССИИ**

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенкова Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им.Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

выпускающие редакторы номера –

Н.В. Михайлова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, зав. кафедрой теории права

Ф.Н. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права

С.Г. Бунина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права

*В оформлении обложки использовано изображение
первой главы Соборного уложения 1649 года.*

Содержание

Тема номера: «Современные проблемы права и юридическое наследие России»

Колонка редактора

Михайлова Н.В. Предисловие к номеру..... 5

Новые подходы к регулированию уголовно-правовых отношений

Черненко М.Д. Конфискация имущества в деятельности правоохранительных органов: комментарии к содержанию и правовой реализации..... 7

Глушков А.И., Гаджиев А.Б. Уголовно-правовая квалификация убийств, совершенных по мотивам национальной ненависти..... 13

Стифорова Е.Г., Нечаев Н.С. Дифференциация ответственности соучастников за преступления в сфере банкротства..... 19

Староверов А.В., Серебrenикова А.В. Социально-криминологическая и правовая природа торговли людьми..... 24

Головко Н.В. Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности и исполнение в отношении них наказания..... 32

Тенденции развития публичного права

Глушков А.И., Смекина Е.Е. Реализация права на защиту несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений..... 41

Михайлов Ф.Н., Вехрестюк В.А. О расширении спектра работы Комиссий по делам несовершеннолетних..... 45

Малиновский И.Б., Кирилин Г.С. Правовые средства надзора военной прокуратуры за соблюдением прав и свобод военнослужащих..... 50

Шишков А.А., Фарафонова Н.Ю. О праве законодательной инициативы прокурора... 55

Проблемы регулирования частных правоотношений

- Михайлов Ф.Н., Сухарева М.Д.** Патронаж как форма попечительства над дееспособными совершеннолетними гражданами в Российской Федерации..... 61
- Желтов О.Б., Бусыгин А.А.** Правовая защита имущества должника в процедуре банкротства физических лиц в России и за рубежом (историко-правовой аспект)..... 67
- Булнина С.Г.** Цитирование как юридически значимое действие: виды и критерии правомерности..... 72
- Машикова Т.Ю.** Современная дальневосточная земельная политика: симбиоз традиционных и новационных правовых инструментов..... 78

Страницы истории государства и права

- Глушков А.И., Рябиков А.М.** Особенности становления и функционирования таможенной службы в Московском государстве во второй половине XVI в. – XVII в... 84
- Суворов А.И.** Антитеррористическая деятельность Департамента полиции МВД России в 1880-1890 годах XIX века..... 94
- Серегин К.В.** Сравнительно-правовой анализ регулирования виндикации в Российской Империи и РСФСР..... 102

Колонка редактора

Статьи настоящего номера призваны отразить дискуссионные вопросы в различных областях правового регулирования общественных отношений в России. В условиях проходящей в нашей стране Конституционной реформы идеи, сформулированные авторами, приобретают особую практическую значимость и научный интерес.

Номер состоит из четырех разделов, первый из которых посвящен новым подходам к регулированию уголовно-правовых отношений. Авторы статей формулируют оригинальные подходы к конфискации как мере уголовно-правовой ответственности (М.Д. Черненко), рассматривают национальную ненависть как один из важнейших мотивов совершения некоторых преступлений (А.И. Глушков, А.Б. Гаджиев) и предлагают новые критерии дифференциации ответственности соучастников преступлений в сфере банкротства (Е.Г. Стифорова, Н.С. Нечаев).

Во втором разделе сборника уделяется внимание основным тенденциям развития публичных правоотношений: реализации прав на защиту несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений (А.И. Глушков, Е.Е. Смекина), проблемам совершенствования правового регулирования деятельности Комиссии по делам несовершеннолетних (Ф.Н. Михайлов, В.А. Вехрестюк) и анализу деятельности прокуратуры (И.Б. Малиновский, Г.С. Кирилин, А.А. Шишков, Н.Ю. Фарафонова).

В третьем разделе номера «Проблемы регулирования частных отношений» авторами предприняты попытки новых правовых подходов к институту патронажа в РФ (Ф.Н. Михайлов, М.Д. Сухарева), цитированию как юридически значимому действию (С.Г. Бунина). Рассматриваются правовые вопросы современной Дальневосточной земельной политики (Т.Ю. Машкова).

Особое внимание читателей обращаем на четвертый раздел сборника, который называется «Страницы истории государства и права», где авторы статей анализируют ранее действующее законодательство на предмет поиска в нем «рациональных зерен», которые можно использовать в современном праве (А.И. Глушков, А.М. Рябиков, А.И. Суворов, К.В. Серегин).

Представленные в сборнике научные статьи могут использоваться в учебном процессе как материал для организации коллоквиумов и деловых игр. Некоторые статьи содержат в себе конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и могут рассматриваться в качестве законотворческих инициатив.

Часть публикаций в сборнике носят междисциплинарный характер и будут, несомненно, интересны не только юристам, но и специалистам других областей гуманитарных знаний.

Ответственный редактор

Н.В. Михайлова

Новые подходы к регулированию уголовно-правовых отношений

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-7-12

УДК 343

М. Д. Черненко

Конфискация имущества в деятельности правоохранительных органов: комментарии к содержанию и правовой реализации

Аннотация:

Основная цель конфискации как меры уголовно-правового характера – возвращение преступно добытого имущества его законному владельцу и лишение преступников возможности им распоряжаться. Для реализации данной цели разработан и законодательно закреплён нормами различных отраслей права, в том числе международного права, механизм выявления имущества, подлежащего конфискации, и обеспечения ее исполнения.

Ключевые слова: конфискация, имущество, выявление имущества, обеспечение конфискации имущества, международное сотрудничество

Об авторе: Черненко Михаил Данилович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры конституционного права; эл. почта: m.chernenko@inbox.ru

Принцип возвращения преступно полученного имущества и доходов от его использования законному собственнику или иному владельцу лежит в основе конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.

Следуя этому принципу, законодатель не внес в пункт «а» части 1 статьи 104.1. УК РФ статьи, устанавливающие уголовную ответственность за хищение чужого имущества, а именно статьи 158 – 164 УК РФ. Не сделал это потому, что имущество, добытое посредством кражи, разбоя, грабежа и других форм хищения в любом случае должно быть передано следователем его законному владельцу.

В соответствии с пунктом 2 части 3 статьи 81 УПК РФ наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги подлежат изъятию у лиц, которые их хранили либо

перевозили. В последующем они, как изъятые из гражданского оборота, передаются в учреждения, законно занимающиеся их переработкой, либо уничтожаются в порядке, установленном законом.

Конфискация таких объектов в России всегда считалась уголовно-процессуальной мерой, а не уголовным наказанием. Она осуществлялась в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом: ранее в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 69 УПК РСФСР 1923 г. [4], пунктами 1, 2 статьи 86 УПК РСФСР 1960 г. [11], ныне – в соответствии с пунктом 2 части 3 статьи 81 УПК РФ [10].

Согласно статье 228.1 УК РФ имущество, полученное в результате незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, подлежит конфискации. Обусловлен такой порядок тем, что сбытчиком имущество было получено в результате совершения преступления, а приобретателем оно использовалось для его совершения. Вместе с тем деньги от проверочной закупки, проведенной в целях, предусмотренных ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5; 13], подлежат возвращению законному владельцу на основании п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. Такой же порядок предусмотрен и в отношении предмета взятки (ст. 290 (Получение взятки) УК РФ).

Имущество, являющиеся предметом взятки, подлежит конфискации, поскольку взяткополучатель завладел им в результате преступления, а взяткодатель использовал для того, чтобы совершить преступление. Вместе с тем, если передача предмета взятки осуществлялась в рамках законно проводимого правоохранительными органами оперативного эксперимента, то предмет взятки согласно примечанию к статье 290 УК РФ и Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 [9] должен быть возвращен законному владельцу.

Конфискации подлежат только те деньги, ценности и иное имущество, связь которого с совершенным преступлением однозначно доказана, а его законный владелец не известен. В УПК РФ содержатся положения, согласно которым суд обязан отражать в приговоре, во-первых, что имущество, подлежащее конфискации, является имуществом, указанным в части 1 статьи 104.1. УК РФ и, во-вторых, сведения о том, подлежат ли вещественные доказательства возвращению законному владельцу или они должны быть конфискованы в соответствии с частью 1 статьи 299 и статьей 307 УПК РФ.

Положения обязывают оперативных и следственных работников правоохранительных органов выяснять происхождение и предназначение имущества; своевременно принимать меры по обеспечению конфискации имущества, полученного в

результате совершения преступления или было предназначено для этого. Если наложение ареста на имущество, указанное в части 1 статьи 104.1 УК РФ, должно быть проведено незамедлительно, оно осуществляется на основании постановления следователя согласно статьям 115 и 116 УПК РФ, без судебного решения.

С целью обеспечения конфискации имущества правоохранительные органы могут направлять в адрес соответствующих органов государственной власти иностранных государств обращения об аресте преступно полученного имущества, доходов, полученных в результате его использования, средств совершения преступлений. Форма этого имущества на день получения обращения не имеет значения. Например, на деньги, похищенные на территории РФ, могли быть приобретены акции предприятий, жилые дома, промышленные здания в других странах.

Международное сотрудничество правоохранительных органов России по вопросам выявления имущества, подлежащего конфискации, установления места нахождения такого имущества, регулируется нормами УПК РФ о международном сотрудничестве, Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», международными договорами России.

В части 3 статьи 453 УПК РФ определено, что запрос о производстве процессуальных действий по данным вопросам правоохранительным органам иностранных государств направляется через следующие органы государственной власти РФ: по вопросам судебной деятельности Верховного Суда РФ через Верховный Суд РФ; по вопросам судебной деятельности всех иных судов, входящих в судебную систему РФ через Министерство юстиции РФ; по вопросам осуществления следственных действий, не требующих судебного решения или согласия прокурора, через СК России, МВД России, ФСБ России; по остальным вопросам через Генеральную прокуратуру РФ.

Непосредственно сам запрос и документы, прилагаемые к нему, выполняются на государственном языке государства, в которое они направляются. Доказательства, официально полученные от должностных лиц такого государства, обладают такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории России с соблюдением требований ее уголовно-процессуального закона.

Важный международно-правовой документ в сфере противодействия преступности – Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [3, ст. 133 – 157]. Ее основная идея – лишение преступников любой возможности распоряжаться денежными средствами, полученными ими от занятия преступной деятельностью. Согласно статье 5 данной Конвенции государство, на

территории которого находится средства и материальные объекты такого происхождения, получив обращение другой страны осуществляет следующие действия: передает данное обращение своим органам исполнительной власти с целью получения ими постановления суда о конфискации доходов, полученных преступным путем, орудий совершения преступления; исполняет такое постановление при его получении.

При этом нельзя забывать, что в соответствии с Конвенцией конфискованным имуществом распоряжается та страна, суд которой принял решение. Согласно этому положению, передача конфискованного имущества той стране, из которой оно происходит, страной, которая его конфисковала, осуществляется ею на основе принципа добровольности, т.е. как жест доброй воли.

В деле конфискации имущества Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [2] – значимый акт. Статьей 78 акта предусмотрена обязанность правоохранительных органов государств, его подписавших, при получении соответствующего запроса передавать друг другу следующие материальные объекты: предметы, использовавшиеся при совершении преступлений; предметы, приобретенные в результате совершения преступления; предметы, переданные преступнику вместо предметов, добытых преступным путем; предметы, имеющие доказательственное значение по уголовному делу. Предметы передаются запрашивающей стороне как вместе с выдачей преступника, объявленного ею в розыск, так и тогда, когда выдать его не представляется возможным вследствие его смерти или побега.

Значимыми в деле конфискации имущества являются международно-правовые документы, заключенные между правоохранительными органами ряда государств по вопросам оперативно-розыскной деятельности. Информация, полученная в рамках действия таких документов, напрямую в уголовном процессе не используется. На ее основе составляются международные поручения, направляемые при осуществлении согласованных оперативно-розыскных мероприятий.

Исполнение решения судов РФ относительно конфискации орудий совершения преступления, имущества, приобретенного в результате их совершения, доходов, полученных от использования такого имущества, вне зависимости от того, на территории какого государства они находятся, осуществляется в порядке, определенном законодательством РФ об исполнительном производстве. Данный вид законодательства РФ составляют следующие нормативные правовые акты: ФЗ от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [12]; Постановление Правительства РФ от 19 апреля 2002 г.

№ 260 «О реализации арестованного, конфискованного и иного имущества, обращенного в собственность государства» [6]; Постановление Правительства РФ от 23.08.2012 № 848 «О порядке реализации или уничтожения предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено» [7]; Постановление Правительства РФ от 29 мая 2003 г. № 311 «О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства» [8]; Бюджетный кодекс РФ [1].

Нахождение в этом перечне БК РФ обусловлено тем, что согласно пункту 4 его статьи 41 имущество, конфискуемое на основании решения суда, зачисляется в бюджет соответствующего уровня.

Таким образом, установленный законодательством РФ механизм конфискации имущества носит межотраслевой характер, что совпадает с требованиями международно-правовых договоров, ратифицированных Россией. Вместе с тем одновременное применение норм УК РФ и УПК РФ при исполнении конфискации имущества в той или иной мере создает определенные сложности в уяснении правового института, комплексного по сути.

Библиографический список:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 15.04.2019) // Российская газета. 12.08.1998. № 153-154.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994.
4. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.*/) // Известия ВЦИК. 18.02.1923. № 37.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.
6. Постановление Правительства РФ от 19.04.2002 № 260 (ред. от 15.09.2008) «О реализации арестованного имущества, реализации, переработке (утилизации), уничтожении конфискованного и иного имущества, обращенного в собственность государства» // Собрание законодательства РФ. 29.04.2002. № 17. Ст. 1677.
7. Постановление Правительства РФ от 23.08.2012 № 848 (ред. от 31.08.2017) «О порядке реализации или уничтожения предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено» (вместе с «Положением о реализации или уничтожении предметов,

являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено) // Собрание законодательства РФ. 03.09.2012. № 36. Ст. 4900.

8. Постановление Правительства РФ от 29.05.2003 № 311 (ред. от 14.12.2017) «О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства» // Российская газета. 03.06.2003. № 106.

9. Пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 4.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

12. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2019) // Российская газета. 06.10.2007. № 223.

13. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 18.08.1995. № 160.

Chernenko M.D. Some issues of maintenance and implementation of confiscation of property in the activities of law enforcement agencies

The main purpose of confiscation of property as a measure of criminal law is not only the return of criminally obtained property to its rightful owner, but also depriving criminals of the opportunity to dispose of such property. To achieve this goal, the Russian Federation has developed and legislated the rules of various branches of law, including international law, a mechanism for identifying property subject to confiscation and ensuring its execution.

Keywords: confiscation of property, identifying property, providing for the confiscation of property, international cooperation

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-13-18

УДК 343.3

А. И. Глушков, А. Б. Гаджиев

**Уголовно-правовая квалификация убийств,
совершенных по мотивам национальной ненависти**

Аннотация:

Статья посвящена правовым основам уголовной ответственности за совершение убийств по мотивам национальной ненависти, урегулированных нормами уголовного законодательства РФ. Проанализированы юридическая литература, законодательные акты и судебно-следственная практика. Определены особенности уголовно-правовой квалификации убийств, проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов, обоснованы предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовно-правовая квалификация, убийство, мотив преступления, национальная ненависть, социальная вражда

Об авторах: Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: profglushkov@mail.ru

Гаджиев Адам Бабаевич, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук.

Криминогенная обстановка в России и мире сегодня характеризуется высоким уровнем социальной напряженности. Значительную роль в криминализации общественных отношений играет преступность экстремистской направленности. Отчасти это обусловлено тем, что такие правонарушения представляют повышенную общественную опасность, поскольку совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

По официальным данным Верховного Суда РФ в последние несколько лет стремительно растет количество преступлений террористической и экстремистской

направленности. К примеру, в 2015 г., в сравнении с 2014 г., число лиц, которые были осуждены за экстремизм, выросло практически вдвое и составило 736 человек. Только за первые 6 месяцев 2016 г. к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности было привлечено 398 чел. По состоянию на ноябрь 2016 г. российские суды признали экстремистскими 53 организации. В 2015 г. за совершение преступлений террористической направленности было осуждено 350 человек, что на 1,4% превысило показатели 2014 г.

Следует отметить, что защита прав и законных интересов граждан в сфере национальной политики может осуществляться при помощи разных средств и способов, в том числе посредством уголовно-правовой квалификации действий, запрещенных уголовным законом. Так, совершение преступлений по мотиву национальной либо расовой ненависти или вражды законодателем рассматривается в качестве квалифицирующего обстоятельства при назначении наказания.

К числу основных направлений функционирования правоохранительных органов в рамках противодействия преступлениям экстремистской направленности относится реализация уголовной ответственности за совершение общественно опасных действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В некоторых статьях Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ) законодателем предусмотрена более строгая ответственность, если преступление было совершено на почве экстремизма.

В примечании [4] 2 ст. 282 УК РФ представлено лаконичное, но достаточно емкое определение преступлений экстремистской направленности, под которыми законодатель подразумевает общественно опасные деяния, совершенные виновным по мотиву религиозной, национальной, расовой, идеологической, политической вражды или ненависти, либо по мотиву вражды или ненависти в отношении какой-либо конкретной социальной группы. Ответственность за такие преступления предусмотрена в нормах Особенной части УК РФ (к примеру, ст.ст. 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

К экстремистским преступлениям следует отнести и иные общественно опасные деяния, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ рассматриваются в качестве обстоятельств, отягчающих наказание (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о

преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 г. (далее – Постановление № 11)).

Полномерная и правильная юридическая оценка преступления – важнейшая гарантия отправления правосудия. Только при точной квалификации преступления можно объективно оценить степень и характер общественной опасности деяния, юридически его квалифицировать и назначить виновному соответствующее уголовное наказание. В этой связи перед наукой уголовного права поставлена задача, заключающаяся в теоретическом исследовании и разрешении данной проблематики. От этого напрямую будет зависеть возможность повышения уровня эффективности борьбы с преступностью, логичность и четкость законодательной системы, определяющей содержание составов конкретных преступлений. Уголовно-правовая наука играет ключевую роль в разработке рекомендаций, направленных на усовершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики.

В силу изложенных обстоятельств необходимо отметить, что в теории и судебно-следственной практике существует проблема уголовно-правовой оценки расового и национального мотива, имевшего место при совершении преступлений, по которым национальная ненависть выступает в качестве обязательного (конститутивного) признака основных составов или в качестве отягчающего наказание обстоятельства. Особенно проблематична квалификация преступлений по различным основаниям.

В соответствии с общим правилом у конкретного преступления может быть только один доминирующий (основной) мотив. [1, с. 56] Несмотря на это, Л.А. Андреева справедливо считает, что нет никаких оснований полагать, что при совершении убийства поведение виновного лица всегда подчинено лишь одному мотиву. Конкурирующие мотивы играют в поведении индивида разную роль: могут быть установлены ключевые, определяющие поведение мотивы, как и мотивы, влиявшие незначительно. При квалификации содеянного учету подлежат ведущие (основные) мотивы. Судебной практике известны случаи, когда поведение убийцы определялось несколькими мотивами в равной степени. Таким образом, при таких обстоятельствах юридическая оценка должна быть дана всем мотивам.

Использование в действующем отечественном законодательстве специальной терминологии при построении тех или иных составов преступлений неизбежно и закономерно, поскольку благодаря терминам появляется возможность четко и конкретно изложить суть той или иной правовой нормы. Использование кратких специальных

терминологических фраз осложняет доступность и затрудняет понимание и единообразное применение норм закона.

В настоящее время в отечественной уголовно-правовой теории не в полной мере уделено внимание точному и однозначному использованию понятий и словосочетаний, что приводит к возникновению многочисленных ошибок в построении норм уголовного права, в их толковании и практическом применении. Убийства, совершаемые по мотивам религиозной, расовой или национальной вражды или ненависти, относятся к числу преступлений, сложно поддающихся точному юридическому определению. Такие преступления вызывают серьезные затруднения у практических работников правоохранительных органов и судов при установлении юридических признаков.

В юридической литературе и следственно-судебной практике возникает масса вопросов по поводу того, что в законе не содержатся понятия «вражды», «ненависти» и «мотива» [3, с. 33]. Это каждый раз заставляет обращаться за разъяснениями в иные источники. При этом от того, насколько точной будет являться расшифровка и толкование понятия, настолько точно и грамотно будет произведен словесный анализ терминологии уголовного права, а ведь от этого зависит жизнь и благополучие общества и людей. Это именно тот случай, когда одна запятая может решить участь обвиняемого (казнить нельзя помиловать).

Таким образом, убийство, совершенное в целях возбуждения указанной в законе вражды или ненависти, выходит за рамки рассматриваемого состава. Содержание п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ характеризуется наличием мотива вражды или ненависти, но, подчеркнем, не одноименной целью. Несомненно, экстремистски мотивированное убийство человека, характеризующееся национальным, расовым или другим социально-значимым признаком, может быть совершено с целью провокации межгруппового конфликта; разжигания в других людях чувства розни, ненависти. Но в таком случае речь идет не столько о разновидности убийства, наказание за которое закреплено в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а о совокупности данного преступления с деянием, предусмотренным ст. 282 УК РФ.

Следует согласиться с С.В. Борисовы [2, с. 135], что мотивы экстремистского преступления – это вражда или ненависть, но такие побуждения совершенно не означают, что виновный одновременно преследует цель возбудить такую вражду или ненависть в других. Цель – самостоятельный признак субъективной стороны преступления, оценка которого не может быть проведена в рамках рассматриваемого вида убийства. Основываясь [5] на результатах анализа специальной научной литературы и сложившейся следственно-

судебной практики, возможно выделить ряд видов убийств, которые совершаются по религиозному мотиву: культовое убийство; ритуальное убийство; убийство по мотиву религиозной вражды или ненависти; убийства с признаком ритуального самоубийства; убийства, совершаемые в рамках «священной войны»; убийства, которые связаны с исполнением религиозных обрядов.

Отечественное антиэкстремистское законодательство – относительно новое, а практика его применения находится на стадии формирования. В целях повышения эффективности уголовной правовой борьбы с криминальными проявлениями экстремизма необходимо проведение углубленных научных исследований, обобщение и изучение судебно-следственной практики по делам указанной категории. Кроме того, необходима разработка научно обоснованных правил квалификации такого рода преступлений.

В завершении отметим, что п. «л» ч. 2. ст. 105 УК РФ необходимо дополнить указанием на мотив социальной вражды или ненависти. В ст. 19 Конституции РФ четко определены запрещающие формы ограничения прав человека по признаку социальной принадлежности. Это предложение обусловливается тем, что сегодня в обществе еще сильнее намечается тенденция углубления социального неравенства (усиливается контраст между разными социальными группами в связи с образованием класса бедных и класса богатых).

Библиографический список:

1. Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. юрид. ин-та Генер. прокуратуры РФ, 1998.
2. Борисов С.В. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 135.
3. Соловьева Т.В., Золотухина А.В. Проблемы переквалификации действий подсудимого при совершении убийства при отягчающих обстоятельствах в случае установления иного мотива преступления // Законность. 2019. № 3.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

***Glushkov A.I., Gadzhiev A.B* The problems of the criminal law qualification of murders committed based on national hatred**

The article is devoted to the analysis of the legal basis of criminal responsibility for committing murders motivated by national hatred, regulated by the norms of the criminal legislation of the Russian Federation. Legal literature, legislative acts, as well as judicial and investigative practice on this issue are analyzed. On the basis of the research, the author identifies the features of the criminal-legal qualification of murders of this category, the problems faced by law enforcement officers in this regard, as well as substantiated proposals to improve the criminal legislation and practice of its application.

Keywords: criminal responsibility, criminal-legal qualification, murder, motive of crime

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-19-23

УДК 343.3/.7

Е. Г. Стифорова, Н. С. Нечаев

**Дифференциация ответственности соучастников за преступления
в сфере банкротства**

Аннотация:

В статье рассматриваются проблемы криминального банкротства, распределения уголовной ответственности при совершении преступления в группе и квалификации преступления, совершенного в соучастии со специальным субъектом. Выделены два критерия, позволяющие разграничить формы привлечения к ответственности за соучастие в преступлениях в сфере банкротства. Предложена системная корректировка уголовной политики в области противодействия криминальному банкротству.

Ключевые слова: дифференциация ответственности, несостоятельность, банкротство, соучастие, группа лиц, специальный субъект

Об авторах: Стифорова Елена Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», и.о. заведующего кафедрой конституционного права; эл. почта: jur-fact@mail.ru

Нечаев Никита Сергеевич, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: n.s.nechaev.legist@gmail.com

Неисполнение или попытки избежать исполнения по принуждению правовых обязательства путем криминального или злонамеренного банкротства посягают как на частные, так и публичные интересы, замедляют экономический рост страны, лишая главного источника развития – инвестиций и кредитов.

Наглядна динамика удельного веса числа привлеченных к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере банкротства, в сравнении с числом зарегистрированных преступлений данной категории. Если в 2001 г. были привлечены к уголовной ответственности 295 лиц из 537 зарегистрированных преступлений, связанных с банкротством (54,9%) [2, с. 4-5], то в 2018 г. по 638

зарегистрированных преступлений привлечены к уголовной ответственности 98 лиц (15,4%). Причем за период действия Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19 ноября 1992 г. ежегодно в среднем регистрировалось 255 преступлений и раскрывалось каждое второе. А в период ныне действующих Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 22 октября 2002 г. и статей 195-197 Уголовного Кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ) (в ред. Закона от 07.07.2019 г.) ежегодно регистрируется 633 и раскрывается лишь каждое седьмое преступление.

Данные обстоятельства показывают недостаточность действия уголовного закона в сфере банкротства. Можно назвать целый ряд факторов, сдерживающих действенность применения норм, регламентирующих ответственность за совершение криминальных банкротств. Это и низкий уровень правовой защищенности экономических отношений, и большая латентность преступлений экономического характера, и несовершенство законодательной базы в сфере банкротства. К тому же до настоящего времени отсутствует четкая судебная практика по экономическим преступлениям, что усложняет правоприменение. Если судебной практике применения закона о несостоятельности (банкротстве) в порядке гражданского судопроизводства посвящено четыре постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, то постановлений по вопросам рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, связанных с несостоятельностью (банкротством), Пленумом Верховного Суда РФ не принималось.

Приемлем подход к решению проблемы с позиций системной корректировки уголовной политики в области противодействия криминальному банкротству. Законодателю важно определить необходимость криминализации деяний, совершаемых в сфере злонамеренного банкротства и дифференциации ответственности его участников.

В теории уголовного права присутствуют предложения, решающие проблему не только криминального или злонамеренного банкротства, но и в целом всей теневой экономики РФ. Исследователи выделяют проблемы квалификации служебно-экономических преступлений, совершаемых специальными субъектами с использованием служебного положения либо должностных полномочий, например, посредством института соучастия в рамках Особенной части УК РФ. Так, О.В. Белокуров считает, что в квалифицирующих признаках тех составов преступлений, которые предусматривают наличие специального субъекта, можно внести дополнения, изложив их следующим образом: «Те же деяния, совершенные по предварительному сговору группой лиц, либо с лицами, не указанными в части первой настоящей статьи» [4, с. 88].

Следует отметить, что УК РФ не закрепляет понятие «формы соучастия», законодатель только пытается определить критерии объективных признаков, по которым можно выделить формы соучастия. Именно поэтому вокруг института соучастия, а в частности форм соучастия, разворачивается дискуссия на тему понятия форм соучастия и выделения критериев, по которым в дальнейшем можно будет их определить. Это позволит определить характер и степень общественной опасности совершенного общественно опасного деяния, признаваемое в УК РФ преступлением, выяснить основания и персонализации их ответственности.

Под формами соучастия в юридической литературе понимаются наиболее часто встречающиеся способы взаимодействия соучастников между собой в процессе совершения преступления. Исходя из этого, можно выделить такие критерии форм соучастия как способ взаимодействия, то есть отсутствие или наличие предварительного сговора; характер преступного объединения; роль соучастников в совершении преступления.

Что касается института соучастия в банкротстве, приведем обоснованное мнение Д.А. Турова, который на основе глубокого исследования практического материала пришел к выводу о необходимости предусмотреть в статьях 196-197 УК РФ такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой [3, с. 2].

Следует согласиться с тем, что подавляющее большинство криминальных банкротств имеют так называемый «казачий характер» и совершаются не только руководителем или учредителем должника, но и, как правило, руководителями «дружественных» компаний, куда выводятся активы должника, либо лицами, специализирующимися на выводе активов предприятия и дальнейшем сопровождении процедур банкротства. Согласно результатам опросов практических работников от 84 до 87% респондентов отметили, что данные преступления имеют групповой характер. По данным Ю.И. Селивановой свыше 67% респондентов из числа практиков указали, что им встречались случаи, когда криминальные банкротства совершались группой лиц, характеризующейся устойчивостью, т.е. организованной группой [3].

В УК РФ дается определение организованной группы: согласно ч. 4 ст. 35 «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения преступления». Из законодательного определения можно выделить четыре основных признака,

характеризующих такую форму соучастия: устойчивость, численность (два и более субъекта), цель объединения, предварительный сговор.

Вместе с тем, учитывая идею реализации принципа дифференциации ответственности, нельзя не учитывать значительную сложность института соучастия, его правовую природу. Проблематичность применения института «соучастия» к сфере криминального банкротства обусловлена прежде всего тем, что большинство составов относится к преступлениям со специальным субъектом. При этом законодательное описание признаков субъекта носит неопределенный характер.

По результатам анкетирования 226 практиков (адвокатов, следователей, судей) на вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, 50,6% ответили – «специальный», 14,4% – «общий», 35% – «затрудняюсь ответить». Но при этом представители той же группы на вопрос о необходимости установить в санкциях статей 195-197 УК РФ дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью 81,8% ответили положительно [5, с. 223-224].

Особенная часть УК РФ содержит в себе достаточное количество норм с признаками специального субъекта преступления. Законодатель определяет круг лиц, отнесенных к специальному субъекту, но не формулирует его понятие.

Косвенные упоминания о специальном субъекте можно выявить в тексте ч. 4 ст. 34 УК РФ. В соответствии с данной нормой «лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника».

Кроме того, однозначно решить вопрос применительно ко всем случаям участия частных лиц в преступлениях со специальным субъектом не всегда представляется возможным из-за специфики отдельных составов преступлений. Например, в соответствии со ч. 1 ст. 196 УК РФ субъектом преднамеренного банкротства признается лицо, являющееся руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем. В данном случае субъект преступления может быть и специальным – в случае совершения генеральным директором юридического лица, и общим – в случае банкротства физического лица. Поэтому лицо, не являющееся специальным субъектом, в зависимости от законодательного описания

объективной стороны преступления может быть и исполнителем в преступлении со специальным субъектом и подстрекателем или организатором.

Таким образом, вопрос о том, в каких случаях должна применяться ч. 4 ст. 34 УК РФ, необходимо решать в зависимости от критериев, на основании которых определяются специальные субъекты. Это, во-первых, правовое положение субъекта, которое четко указано в норме или однозначно вытекает из ее толкования, и, во-вторых, характер объективной стороны и способ ее законодательного описания. Именно эти два критерия позволяют разграничить две наиболее сложных для правоприменителя ситуации: когда специальный признак исполнителя характеризует только его личностные свойства (ст.ст. 106, 131 УК РФ), и когда специальные не только субъект, но и сам состав преступления по описанию (ст.ст. 195, 196, 197 УК РФ).

Библиографический список:

1. Белокуров О.В. Соучастие в преступлениях со специальными субъектами: актуальные проблемы (на примере присвоения и растраты) // Следователь. 2013. №3.
2. Бондарь Е.А. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве). Автореф. дисс. канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 4-5.
3. Селиванова Ю.И. Исследование по программе «Исследовательские проекты молодых ученых». Деятельность организованных групп в сфере несостоятельности (банкротства) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sartracc.sgap.ru/Explore/selivanovskaya.htm> (дата обращения: 06.09.2019).
4. Туров Д.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере несостоятельности (банкротства): дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Туров Денис Анатольевич. Краснодар, 2008.
5. Шагуч Б.А. Институт ответственности за преступления, связанные с несостоятельностью (банкротством): дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Шагуч Барич Аскорбиевич. Краснодар, 2018.

Stiforova E.G. Nechaev N.S. Problems of differentiation of responsibility of accomplices for bankruptcy crimes

In the article the authors consider the problems of criminal bankruptcy, the distribution of criminal responsibility, committing a crime in a group, and qualifying a crime in complicity with a special subject.

Keywords: differentiation of responsibility, insolvency, bankruptcy, complicity, group, special subject

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-24-31

УДК 343.97

А. В. Серебренникова, А. В. Староверов

Социально-криминологическая и правовая природа торговли людьми

Аннотация:

Торговля людьми как общественное явление зародилась в период античности, наибольшего распространения достигнув в эпоху раннего средневековья. Вплоть до середины XIX века во многих государствах мира, а в некоторых странах до середины XX столетия она осуществлялась вполне легально. Современная торговля людьми, совершаемая в формах купли-продажи человека, его вербовки, перевозки и укрывательства, – уголовно-наказуемое деяние, поэтому осуществляется замаскировано или полностью скрыто.

Восходит современная торговля людьми к древним формам работорговли, что позволяет определять ее как современную форму рабства. Поскольку в настоящее время объект торговли людьми – лично свободный человек, заменять понятие «торговля людьми» терминами «торговля невольниками» и «работорговля» будет неправильным несмотря на то, что в международно-правовых актах они используются как равнозначные.

Ключевые слова: торговля людьми, личная свобода, торговля невольниками, работорговля, международно-правовые акты о противодействии торговле людьми

Об авторах: Серебренникова Анна Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета.

Староверов Андрей Владимирович, МГУ им. М.В. Ломоносова, магистрант юридического факультета; эл. почта: astaroverov3097@gmail.com

Исторические источники свидетельствуют о восхождении торговли людьми к такому широко распространенному и легальному со времен становления античных городов-полисов социальному явлению как рабство.

Политологический, социологический и правовой термин «рабство» производный от слова «раб», которым обозначается человек вне зависимости от его возраста, пола и национальности, не только не имеющий в своей собственности или на праве аренды никаких средств производства, но и сам являющийся собственностью своего хозяина-рабовладельца. При этом в полном распоряжении господина-рабовладельца находятся как результаты труда и тело раба, так и его жизнь.

Изначально объектами работорговли были только лично несвободные люди либо от рождения, т.е. рожденные матерью-рабыней, либо потерявшие свободу в результате попадания в плен, продажи себя в рабство за долги. Со временем работорговля в силу того, что она не только признавалась государством, но и поощрялась им, в корне изменила социальную мораль. Обществом перестали осуждаться ранее неразрешенные способы обращения в рабство. Например, обращение отцом малолетнего ребенка в рабство стало восприниматься как наказание, правомерно примененное за неподчинение родительской власти. Появились латентные, замаскированные способы работорговли. Во всех государствах, где рабство существовало в легальной или практиковалось в завуалированной форме, ребенок и женщина стали восприниматься как потенциальный объект работорговли, как собственность рабовладельца-мужчины.

В этой связи Ф. Энгельс писал, что женщина в государственно организованном обществе постепенно превратилась из хранительницы домашнего очага, пользовавшейся непререкаемым авторитетом и всеобщим уважением членов рода (общины), в объект, который мог дать мужчине сексуальное наслаждение и рожать ему детей, которыми он распоряжался как своей собственностью [15, ст. 36].

По этой причине историческая наука относит возникновение проституции как социального явления ко второму тысячелетию до нашей эры, времени формирования первых государств. Изначально занятие проституцией осуществлялось в храмах и других местах проведения религиозных обрядов в качестве элемента религиозных культов. Со временем проституция приобрела современные «светские» формы. Первые публичные дома были созданы в городах античной Греции, где сексуальные услуги всем, кто мог за них заплатить, предоставляли женщины-рабыни, являвшиеся собственностью города. Затем в Древней Греции и Древнем Риме появились и частные такого рода заведения, которые содержали богатые рабовладельцы. Таким образом, довольно быстро в историческом измерении проституция прошла путь от предоставления сексуальных услуг женщиной добровольно, пусть и в качестве служительницы религиозного культа, до

продажи рабовладельцем тела своей женщины-рабыни для получения сверхвысокой прибыли.

Стремительная трансформация отношения мужчин к женщине в античные времена, когда женщина перестала в целом восприниматься ими как женщина-мать, а стала рассматриваться как объект сексуального удовлетворения, привела к тому, что проституция и сексуальная эксплуатация, т.е. использование тела женщины безвозмездно, стали определяться в качестве конечной цели работорговли [7, ст. 223].

Что касается рабства в русских землях, то оно охватывает период с раннего средневековья по середину 19 века, что подтверждается содержанием исторических памятников. Так, Псковская судная грамота XII века содержала указание, что похищение людей и продажа их в неволю должны караться смертной казнью [11, ст. 45 - 46]. Вместе с тем непосредственно понятие «торговля людьми» для обозначения преступления против свободы человека в Древней Руси не применялось. Вместо него использовалось понятие «незаконное обращение в рабство» [5, ст. 111-112]. Существовавшая в России на протяжении нескольких веков практика обращения с человеком как с предметом купли-продажи была упразднена только в 1861 г. в связи с отменой крепостного права, которое было по своей сути легальной формой рабства.

Возможность получения сверхприбыли от сексуальной эксплуатации женщины и принуждения ее к занятию проституцией – основная причина того, что вплоть до нашего времени человечеству не удается навсегда покончить с работорговлей как с негативным социальным явлением. Такая ситуация складывается, несмотря на принятие в государствах, страдающих от него, законов о противодействии ему и тесное международное сотрудничество по данному вопросу.

Окончательный и полный правовой запрет осуществления работорговли в легальной форме во всех странах мира стал причиной ее совершения в замаскированном виде. Работорговля по своей сути превратилась в нелегальную торговлю людьми, ставшую, по оценке многих ученых-обществоведов, проблемой глобального характера. По данным Организации Объединенных Наций на начало 21 века в мире в общей сложности в рабском состоянии находилось более 27 миллионов человек [12, ст. 17-24].

Научное сообщество в настоящее время не ограничивается только постановкой проблемы и констатацией факта того, что торговля людьми не только имеет место быть в современном мире и несет в себе существенную угрозу мировой стабильности и национальной безопасности отдельных государств, а видит свою задачу в углубленном

исследовании данного явления. Один из аспектов этой задачи – проведение соответствующего семантического анализа.

В международно-правовых документах, в той или иной мере касающихся вопросов торговли людьми, для обозначения ее используется не только термин «торговля людьми», но и понятия «торговля невольниками» и «работорговля». Данное обстоятельство обуславливает целесообразность определения степени тождественности данных терминов.

Согласно Конвенции 1926 г. [6, ст. 274-279] термином «торговля невольниками» обозначается любой акт купли-продажи или перемещения человека с целью обращения его в рабское состояние (рабство). При этом рабство представляет собой положение человека в статусе объекта, лишённого каких-либо личных прав, в том числе и права на жизнь. В современной научной и учебной литературе термин «торговля невольниками» зачастую подменяется понятием «работорговля», что порождает вопрос о такой допустимости [3, ст.ст. 25, 171]. Получение ответа на этот вопрос предполагает рассмотрение этимологии английских слов «slave» и «trade», используемых в Конвенции относительно рабства для обозначения данного явления. В буквальном переводе с английского языка на русский язык «slave» имеет в качестве основных следующие два значения: «раб» и «невольник». Слово «trade» переводится на русский язык как «торговля» [8, ст. 503]. В официальном переводе Конвенции с английского языка на русский язык словосочетание «trade of slaves» переведено как «торговля невольниками». Такой перевод обусловлен исторической традицией называть любого человека, оказавшегося жертвой торговли людьми, рабом или невольником. Таким образом, представляется очевидной возможность применения терминов «торговля рабами» и «торговля невольниками» в качестве идентичных по своему значению. Вместе с тем объектом купли-продажи может быть не только невольник, т.е. человек, лишённый воли, свободы, им может стать и свободный человек, которого кто-то желает привести в рабское состояние, в положение раба. В этой связи более точным будет использование термина «торговля людьми».

Впервые официально этот термин применен в Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами [10, ст. 280-290] (далее – Конвенция о борьбе...), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 2 декабря 1949 г. Вместе с тем, хотя в названии этого международно-правового документа и содержится словосочетание «торговля людьми», определение данного понятия в тексте названного документа не приводится.

Отсутствие определения понятия «торговля людьми» можно объяснить тем, что в преамбуле и тексте названной Конвенции торговля людьми определена не как самостоятельное преступление, а всего лишь как «...зло, сопровождающее проституцию».

Данная законодательная формулировка оставляет за скобками сексуальную эксплуатацию и все другие множественные цели торговли людьми, ограничивая ее совершение только единственной целью, а именно эксплуатацией проституции. Это обстоятельство значительно уменьшает ценность такого определения торговли людьми. Кроме того, несмотря на название, в Конвенции о борьбе... углубленно рассматриваются вопросы организации противодействия проституции, а не торговли людьми.

Вместе с тем акцент в документе делается на противодействии международной торговле людьми, осуществляемой с целью вовлечения ее жертв в занятие проституцией. Данное обстоятельство определяет важность Конвенции для организации и осуществления международного сотрудничества по вопросам противодействия торговле людьми.

По мнению И.Д. Измайловой, употребление в Конвенции о борьбе... терминов «торговля людьми» и «проституция» как понятий одного порядка не обоснованно, поскольку с торговлей людьми соотносится не вообще проституция, а только принудительное занятие ею [4, ст. 16]. По мнению же О.Г. Горбуновой, в Конвенции «... борьба с торговлей людьми подменяется идеей уничтожения проституции как таковой» [1, ст. 2].

Наличие в Конвенции о борьбе... ряда терминологических расхождений в какой-то мере обусловило принятие ООН в 2002 г. Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее [9, ст. 3884], внесшего ясность в вопрос о соотношении торговли людьми и проституции. Согласно его названию, торговля людьми теперь стала определяться как подлежащее предупреждению и пресечению самостоятельное противоправное деяние, могущее существовать в отрыве от проституции, а не как деяние, сопровождающее ее. В 1956 г. ООН была принята Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством (далее – Дополнительная конвенция) [2, ст. 224]. В данном международно-правовом акте термин «торговля людьми» заменен на понятие «работорговля».

Такая замена не безупречна, поскольку термины по своему значению не тождественны. Если в понятии «работорговля» однозначно определено, что объект торговли – раб, то термин «торговля людьми» собирательный, объединяющий все виды

делок, совершаемых в отношении человека, любые действия по обращению его в рабство. Анализ значения применения термина «работорговля» в Дополнительной конвенции, свидетельствует о том, что в ней этим понятием обозначается как торговля людьми, не являющимися рабами, так и торговля людьми, пребывающими в положении раба. Установление органической связи торговли людьми с рабством и работорговлей позволило обоснованно определять ее как «современную форму рабства» [14, ст. 5].

Результаты научных исследований свидетельствуют, что расширение современной работорговли обусловлено рядом объективных в настоящее время факторов. Такими обстоятельствами являются, например, активизация перемещения населения из одной страны в другую, легкость пересечения государственных границ, взаимозависимость экономик соседних государств, расширение пропасти в доходах между гражданами экономически развитых и развивающихся стран, культурная деградация населения. В силу того, что организация занятия проституцией предоставляет возможность легко получать баснословную выручку, в торговлю людьми включаются хорошо организованные преступные формирования, в том числе и транснациональные. Это обстоятельство делает торговлю людьми одним из самых живучих видов преступной деятельности.

В таких условиях российскому законодателю пришлось как можно быстрее вносить в уголовное законодательство России нормы, предназначенные сдерживать увеличение числа фактов торговли людьми с целью их сексуальной эксплуатации. В этой связи Федеральным законом от 08 декабря 2003 г. в УК РФ была включена статья под номером 127.1., предусматривающая назначение уголовной ответственности за торговлю людьми, в том числе и несовершеннолетними. Этот факт указывает на то, что современная Россия твердо придерживается международно-правового принципа необходимости защиты естественных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, со времени своего зарождения в эпоху античности и до середины XIX века торговля людьми, находившимися в состоянии раба, или крепостного крестьянина, воспринималась человечеством как проявление вполне естественного для человеческой цивилизации явления – рабства, экономической основой которого была торговля рабами (работорговля). Законодательная отмена легальной работорговли, приносившей владельцам рабов хорошую прибыль, не могла по причине своей высокодоходности автоматически привести к ликвидации явления, ставшего только к середине XIX века восприниматься прогрессивным человечеством как асоциальное. Просто торговля людьми, попавшими в положение раба, стала вестись нелегально, завуалировано,

замаскировано. Организованные преступные формирования путем обмана, подкупа, насилия стали приводить в состояние раба наиболее физически и психически слабых людей - молодых женщин и детей.

Именно реальная возможность получения сверхприбыли от сексуальной эксплуатации тела человека побуждает организованные преступные группировки, в том числе и транснациональные, заниматься торговлей людьми как преступным промыслом. Данное обстоятельство объясняет, почему, несмотря на тесное международное сотрудничество по противодействию торговле людьми, до ее полного искоренения все еще далеко. Так, по данным Судебного департамента Верховного Суда РФ в 1 полугодии 2019 г. за торговлю людьми в стране по части 1 статьи 127.1 УК РФ было осуждено 4 человека, а по части 2 статьи 127.1 УК РФ – 7 человек [13].

Буквальное значение терминов «торговля людьми», «торговля невольниками» и «работоторговля» различаются, поскольку первый из них обозначает торговлю неопределенным кругом лиц, а второй и третий – торговлю только рабами, однако начиная с Дополнительной конвенции, в международно-правовых актах эти термины употребляются как равнозначные, эквивалентные, совпадающие. Что же касается законодательства РФ, то сделать такой вывод представляется возможным только в криминологическом смысле.

Наличие статей 127.1. Торговля людьми и 127.2. Использование рабского труда в УК РФ исключает взаимозаменяемость терминов «торговля людьми» и «работоторговля».

Библиографический список:

1. Горбунова О.Г. К 50-летию ратификации Конвенции ООН 1949 г. «О борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами». Киев, 1999. 110 с.
2. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956) // Ведомости ВС СССР. 20 апреля 1957 г. № 8. Ст. 224.
3. Жинкин А.А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Жинкин Андрей Алексеевич. Краснодар, 2005. 186 с.
4. Измайлова И.Д. Уголовная ответственность за торговлю людьми: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Измайлова Ильмира Дамировна. М., 2007. 28 с.
5. Ключевский В.О. Русская история. 800 редчайших иллюстраций. М.: ЭКСМО, 2005. 508 с.
6. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Заключена в г. Женеве 25.09.1926) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций.

7. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 27-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. 528 с.
8. Новый большой англо-русский словарь в трех томах / Словарь издан под ред. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой. М: Русский язык, 1993 – 1994 гг.
9. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 04.10.2004. № 40. Ст. 3884.
10. Резолюция 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН «Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами» (Вместе с «Заключительным протоколом») (Принята 02.12.1949 на 264-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 280-290.
11. Русская правда и Псковская судная грамота: Материалы к изучению истории государства и права России / Сост.: С.А. Бердникова, О.П. Подосенов. Красноярск, 2002. 146 с.
12. Старков О.В. Модель причин и условий транснациональной преступности // Новые криминальные реалии и реагирование на них. М., 2005.
13. Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081 (дата обращения: 23.09.2019).
14. Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под общ. ред. Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. М.: Academia, 2002.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Серия: Лениздат. Классика. СПб.: Изд-во «Лениздат. Команда А».

Serebrennikova A.V., Staroverov A.V. Socio-criminological and legal nature of trafficking in human beings (the slave trade, the slave trade)

Human trafficking as a social phenomenon originated in the period of antiquity, the greatest spread reached in the early middle ages. Until the mid-19th century in many countries of the world, and in some countries until the mid-20th century, it was carried out quite legally. Modern trafficking in human beings, committed in the form of the purchase and sale of a person, his recruitment, transportation and concealment, is a criminal act, so it is carried out in disguise or completely hidden.

Modern human trafficking dates back to ancient forms of the slave trade, which allows it to be defined as a modern form of slavery. Since the object of trafficking is currently a free person, it would be wrong to replace the terms trafficking in persons with slave trade, despite the fact that they are used as equivalent in international legal instruments.

Keywords: human trafficking, personal freedom, trade of slaves, slave trade, international legal acts on combating human trafficking

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-32-40

УДК 343

Н. В. Головки

**Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности и
исполнение в отношении них наказания**

Аннотация:

Статья посвящена теоретическим и правовым вопросам привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности и исполнения в отношении них назначенного судом уголовного наказания. Произведен анализ юридической литературы, законодательных актов, судебной практики относительно предусмотренных уголовным законом привилегий по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Определены основные задачи сотрудников правоохранительных органов, на которых возложена обязанность по исполнению установленных судом уголовных наказаний в отношении подростков.

Ключевые слова: преступление, общественно опасное деяние, уголовная ответственность, уголовное наказание, несовершеннолетний, отбывание наказания

Об авторе: Головки Нонна Владимировна, кандидат юридически наук, Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин; эл. почта: nonna35@bk.ru

Действующий Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит отдельную главу с нормами, регламентирующими основания привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних. Целесообразность ее выделения в самостоятельный раздел закона обусловлена, как минимум, следующими обстоятельствами:

- значением, которое в настоящее время общество придает этой проблеме, признанием особой ценности подрастающего поколения;
- спецификой преступности несовершеннолетних;
- социально-психологическими особенностями подростков, совершающих общественно опасные деяния;
- своеобразием уголовно-правовых мер, применяемых к ним;

- необходимостью точного определения правовой регламентации отступлений от общих нормативных предписаний, регулирующих вопросы уголовной ответственности и наказания.

Решающее обстоятельство – возраст лица, совершившего общественно опасное деяние, с которым связаны особенности этой категории субъектов преступления. Именно возраст – то свойство, которое ставит несовершеннолетних в положение не только особой социальной группы, но и особой группы с пониженной деликтоспособностью среди иных субъектов юридической ответственности [6, с. 16-19].

Специальные положения, закрепляющие особенности ответственности несовершеннолетних, содержатся в разделе V уголовного закона (ст.ст. 87-96 УК РФ), что, однако не исключает возможности применения к подросткам уголовно-правовых норм, находящихся за рамками этого раздела (например, в главах 4, 10 и 11 УК РФ). В ст.ст. 87-96 УК РФ содержатся только нормы, определяющие особенности ответственности и наказания несовершеннолетних, основание же уголовной ответственности и ее принципы для подростков применяются те же самые, что и для взрослых.

В диспозиции ч. 1 ст. 87 УК РФ законодателем представлено уголовно-правовое понятие несовершеннолетних. Таковыми «признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Это определение общепризнанно и общеприменимо, т.е. оно подлежит распространению на все общественно опасные деяния, совершенные физическими лицами в возрасте от 14 до 18 лет.

Несовершеннолетие виновного – условие обязательной дифференциации его уголовной ответственности. В диспозиции ч. 2 ст. 87 УК РФ в качестве особенности уголовной ответственности несовершеннолетних указана возможность ее реализации в разных предусмотренных законом формах. Степень карательного воздействия на признанного виновным подростка и объем заложенных в каждой из этих форм правоограничений различны: максимальны они в случае применения уголовного наказания, минимальны – при реализации принудительных мер воспитательного воздействия [10, с. 669].

Содержание норм, определяющих современные особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, позволяет сделать вывод об их ориентированности на максимальное обеспечение специально-предупредительного воздействия на подростков и более ярко выраженную, чем в общих нормах, профилактическую направленность [2,

с. 67-69; 4, с. 4-7]. Таким образом, российский законодатель далеко не безразлично относится к подросткам, совершившим уголовное правонарушение и склонным к антиобщественному поведению.

Благодаря предпринимаемым правоохранительными органами мерам в стране на протяжении последних нескольких лет сохраняется достаточно стабильная оперативная обстановка. Так, например, согласно официальной статистике, в 2018 г. было зарегистрировано 1991,5 тысяч преступлений, что на 3,3% меньше, чем за аналогичный период предыдущего года. Рост регистрируемых общественно опасных деяний отмечен лишь в 25 субъектах РФ, в то время как их снижение – в 60 субъектах. Число расследованных в этот период преступлений, которые были совершены подростками или группой лиц с участием несовершеннолетних, составило 4,0% (каждое двадцать пятое) от общего количества расследованных общественно опасных деяний [3].

С точки зрения уголовного права несовершеннолетний обладает рядом отличительных особенностей, которые обусловлены, в том числе, его психологическими особенностями, не до конца сформированной личностью, неспособностью противостоять воздействию на него старших по возрасту лиц из своего окружения. В то же время нельзя игнорировать высокую способность подростка к исправлению при оказании ему надлежащей психологической и воспитательной поддержки со стороны правомочных должностных лиц.

По отношению к несовершеннолетним правонарушителям законодателем предусмотрены привилегии при определении им конкретных мер уголовного наказания за совершенное преступление:

- максимальный размер наказания в виде лишения свободы для лиц, не достигших возраста 16 лет, не может превышать шести лет;

- для подростков, совершивших преступления, которые относятся к категории особо тяжких, максимальный размер наказания не может превышать десяти лет; несовершеннолетние отбывают наказание в виде лишения свободы в особом типе исправительных учреждений, – в воспитательных колониях;

- при назначении наказания несовершеннолетнему в виде лишения свободы максимально предусмотренная санкция соответствующей статьи УК РФ сокращается в два раза;

- наказание в виде лишения свободы не назначается несовершеннолетнему в возрасте до 16 лет, совершившему преступление небольшой и средней тяжести впервые, совершившим впервые преступление небольшой тяжести;

- при назначении наказания возраст несовершеннолетнего – смягчающее обстоятельство;

- при назначении наказания несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд учитывает условия его жизни и воспитания, психологические особенности, личностные особенности и влияние на него старших лиц.

То есть социально-экономические категории, характеризующие состояние и личность осужденного, играют огромную роль в реализации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних [4, с. 14-17; 5, с. 23-26].

Учитывая изложенные обстоятельства, представляется целесообразным определить основные задачи, которые во главу угла должны быть поставлены перед должностными лицами органов ФСИН РФ, в том числе обеспечивающих исполнение уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних.

В частности, к ним относятся следующие задачи: исправление осужденных, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение их общеобразовательного и культурного уровня; обеспечение комплексного применения основных форм и методов воспитательной работы, установленных ч. 1 ст. 110 УИК РФ; организация обязательного получения осужденными, не достигшими возраста 30 лет, общего образования; организация работы по социальной защите осужденных, оказанию им содействия в трудовом и бытовом устройстве после освобождения из мест лишения свободы; организация воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися под стражей, организация их общеобразовательного обучения; контроль состояния правопорядка и законности в исправительных учреждениях системы ФСИН; организация взаимодействия воспитательной колонии с попечительским советом; организация взаимодействия воспитательной колонии с комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав; организация взаимодействия исправительных учреждений системы ФСИН с общественными, религиозными и образовательными организациями; содействие внедрению научных разработок и передового опыта в деятельность исправительных учреждений [11, ст. 110].

Уголовным законом установлены дополнительные обстоятельства, которые могут послужить основанием для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в целом и от наказания в виде лишения свободы в частности [9, с. 21-23]. Так, например, несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, категории которых регламентированы положениями ст. 15 УК РФ, может быть освобожден от назначения ему наказания в виде лишения свободы. При принятии соответствующего решения суд руководствуется, в том числе личностной характеристикой осужденного, условиями его жизни и воспитания, оказываемым на него воздействием со стороны старших лиц из его круга общения [7, с. 67-71].

Диспозиция ч. 2 ст. 92 УК РФ содержит правило о том, что несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Возможность принятия судом такого правового решения обусловлена тем, что подросток нуждается в особых условиях воспитания, в педагогических мерах воздействия с учетом того, что личность несовершеннолетнего поддается исправлению [8, с. 484].

Отметим, что нельзя признать оптимальной регламентацию действующего в настоящее время порядка возложения судом на условно осужденных несовершеннолетних единожды определенных обязанностей, предусмотренных уголовным законом. Процесс исправления требует индивидуального творческого подхода к условно осужденным подросткам, широкого арсенала средств и способов персонального воздействия на несовершеннолетнего, в том числе при помощи обременения его выполнением определенных обязанностей.

Перечень названных обязанностей не может быть статичным и неизменяемым (неварьируемым); в течение всего периода испытательного срока по мере необходимости одни обязанности надлежит замещать (заменять) другими. Таким образом будет обеспечено соблюдение непрерывности и повышение эффективности исправительно-воспитательного процесса по отношению к отбывающему уголовное наказание подростку. В этой связи диспозицию ч. 5 ст. 73 УК РФ целесообразно дополнить словами: «В течение всего испытательного срока по мере реализации ранее возложенных определенных обязанностей суд их заменяет, возлагая к исполнению иные определенные обязанности».

В свете рассматриваемых проблем представляется необходимым выделить ряд особенностей несовершеннолетних, которые требуется учесть при решении задач,

установленных положениями уголовно-исполнительного законодательства. Как известно, уголовное наказание в виде лишения свободы несовершеннолетние осужденные отбывают в воспитательных колониях. Положение вещей полностью соответствует конституционно закрепленным принципам приоритета детства, регламентированным уголовным законом принципам и целям наказания. Такая уголовно-исполнительная политика в полной мере учитывает психологическую характеристику несовершеннолетнего, как до конца еще несформировавшейся личности.

В соответствии со ст. 132 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее - УИК РФ) предусмотрено 4 вида условий содержания несовершеннолетних, осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы, в воспитательных колониях. К ним относятся:

Обычные условия отбывания наказания. По общему правилу именно они применяются к несовершеннолетним. Эти условия не могут быть применены к лицам, совершившим новое преступление в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы и к имеющим ранее судимость. Срок отбывания наказания устанавливается со дня помещения лица в следственный изолятор при условии неприменения к нему мер дисциплинарного взыскания в виде водворения в карцер. На обычные условия может быть переведен и осужденный, отбывающий наказание на льготных и облегченных условиях, если он злостно нарушает режим содержания.

Облегченные условия отбывания наказания. При соблюдении двух обязательных требований – добросовестном отношении к труду и учебе и отсутствии взысканий несовершеннолетний может быть переведен на облегченные условия содержания. Срок такого перевода составляет 3 месяца для мужчин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, и для всех категорий женщин, и 6 месяцев – для мужчин, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы (ч. 4 ст. 132 УИК РФ). Отбывание наказания характеризуется следующими обстоятельствами: отбывание наказания происходит в общежитии на территории воспитательной колонии; осужденным предоставляются краткосрочные и длительные свидания, которые могут по решению администрации воспитательной колонии происходить за пределами пенитенциарного учреждения. Осужденный имеет право ежемесячно расходовать на продукты питания и предметы первой необходимости одиннадцать тысяч четыреста рублей.

Льготные условия отбывания наказания. При назначении указанных условий содержания осужденному подростку разрешено неограниченное расходование его собственных денежных средств на продукты питания и предметы первой необходимости.

Число краткосрочных свиданий не ограничено, и в течение года он имеет право на шесть долгосрочных свиданий с проживанием вне территории колонии.

Немаловажную роль играет еще одно обстоятельство, которое, вне всяких сомнений, в полной мере можно причислить к особенностям льготных условий отбывания наказания. Оно заключается в том, что установленное судом наказание в виде лишения свободы осужденный несовершеннолетний может отбывать в общежитии вне территории воспитательной колонии, но под надзором администрации пенитенциарного учреждения. Ему допускается использовать имеющиеся денежные средства и носить гражданскую одежду. Решение о предоставлении осужденному такого права должно быть оформлено в виде постановления начальника воспитательной колонии [11, с. 57-61].

Строгие условия содержания осужденных сопряжены с реализацией таких мер и ограничений, которые существенным образом ухудшают их положение.

В частности, подростки проживают не в общежитии, расположенном на территории пенитенциарного учреждения, а в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от работы и учебы время. Они имеют право на ежемесячное расходование денег в размере 9600 рублей, без учета средств, заработанных ими в период отбывания наказания, и социальных пособий. Осужденные несовершеннолетние имеют право на 6 краткосрочных и 3 длительных свидания в течение года.

Такой режим содержания осужденных в воспитательных колониях применяется к тем подросткам, которые, находясь на обычном либо облегченном режиме содержания, совершили злостное правонарушение. При этом, по смыслу положений, регламентированных ч. 8 ст. 132 УИК РФ, осужденные, отбывавшие наказание в льготных условиях и признанные злостными нарушителями порядка, тем не менее, сразу переводу на условия строгого содержания не подлежат. Предварительно они должны быть переведены на обычные условия.

При несогласии осужденного с принятым в отношении него решением о переводе на содержание в строгих условиях он имеет право на его обжалование. В этой связи возникает вопрос: почему при переводе с облегченных или обычных условий содержания на строгие условия содержания осужденный наделен правом обжалования в установленном законом порядке решения, принятого администрацией пенитенциарного учреждения, а в случае перевода осужденного с льготных условий отбывания наказания на более жесткие не наделен. Представляется, что подобное несоответствие прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, с учетом различных условий отбывания наказания следует

рассматривать в качестве серьезного упущения законодателя. Поэтому диспозицию ч. 10 ст. 132 УИК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «В случае несогласия осужденного с переводом в строгие, либо в обычные условия отбывания наказания, он вправе обжаловать решение о переводе в установленном законом порядке».

Библиографический список:

1. Алонцева Е.Ю., Глушков А.И. Некоторые аспекты реализации полномочий следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда // Российский следователь. 2006. № 9. С. 4-7.
2. Глушков А.И. Реализация в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 67-69.
3. Глушков А.И., Головкин Н.В. Российское законодательство об уголовной ответственности за торговлю людьми (исторический аспект) // Российский следователь. 2014. № 11. С. 14-17.
4. Головкин Н.В. Возникновение и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за должностные преступления // Современный ученый. 2016. № 1. С. 23-26.
5. Головкин Н.В. Институт необходимой обороны в российском уголовном праве // Российский следователь. 2017. № 6. С. 21-23.
6. Головкин Н.В. Предмет доказывания по уголовным делам о торговле детьми и использовании их рабского труда // Российский следователь. 2011. № 12. С. 16-19.
7. Григорьев В.Н. Уголовный процесс: Учебник. М.: Эксмо, 2018. 816 с.
8. Нагуляк М.В. Меры воздействия на осужденного // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 57-61.
9. Смольников И.В. Понятие обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016 г. № 2. С. 67-71.
10. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. М.: Норма, 2011. 720 с.
11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2.

Golovko N.V. On the issue of bringing minors to criminal responsibility and execution of punishment against them

The article is devoted to the analysis of theoretical and legal issues related to the problems of bringing minors to criminal responsibility, as well as the execution of criminal punishment imposed by the court against them. The analysis of legal literature, legislative acts, as well as judicial and investigative practice regarding the privileges provided by the criminal law in relation to juvenile offenders. On the basis of the research, the author identified the main tasks facing law enforcement officers, who are charged with the duty to perform the criminal penalties established

by the court against adolescents.

Keywords: customs service, customs authorities, order reform, customs hut, customs certificates, officials

Тенденции развития публичного права

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-41-44

УДК 343.122

А. И. Глушков, Е. Е. Смекина

Реализация права на защиту несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений

Аннотация:

Статья посвящена анализу вопросов правового регулирования и реализации в современных условиях прав на защиту подростков, которые пострадали в результате совершенных в отношении них преступлений. Проанализированы юридическая литература, законодательные акты, судебно-следственная практика. На основе произведенного исследования выявлены проблемы обеспечения в уголовном судопроизводстве права на защиту несовершеннолетних потерпевших и обоснованы предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства и практики их применения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетние потерпевшие, право на защиту, охрана прав потерпевших, законные представители, юридическая помощь

Об авторах: Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: profglushkov@mail.ru

Смекина Екатерина Евгеньевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: katrina281996@mail.ru

Государственная охрана прав лиц, пострадавших от преступлений, обязанность государства по обеспечению таким лицам доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба закреплена нормами Конституции РФ (ст. 52) [4]. Закономерным продолжением этого конституционного положения выступает признание защиты прав и

законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в качестве одной из составляющих назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ) [7].

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в России, равно как и в других государствах, – важная и актуальная проблема уголовно-процессуального права. Во многих международно-правовых актах закреплена прерогатива защиты лиц, ставших жертвами преступлений. Гарантия обеспечения охраны прав личности, ее законных интересов, восстановление нарушенных прав – важнейшие институциональные установки цивилизованного сообщества.

В частности, Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» предписывает государствам европейского сообщества в качестве основной функции уголовного правосудия рассматривать удовлетворение запросов и охрану прав потерпевшего [5].

В соответствии с п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый имеет право пользоваться помощью защитника, в том числе, бесплатно в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, что ставит потерпевшего в неравное положение по отношению к обвиняемому. В свою очередь воспользоваться бесплатной помощью адвоката в соответствии с ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ может только потерпевший, не достигший возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности. В этой связи логично возникает вопрос о том, почему законодатель ограничил возможность получения юридической помощи только подростками, ставших жертвами указанной категории общественно опасных деяний? Почему положения ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ нельзя распространить на всех несовершеннолетних, если в отношении них были совершены не только тяжкие, но и все иные преступления?

В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ несовершеннолетнему потерпевшему обеспечивается возмещение расходов, понесенных в связи с его участием в уголовном судопроизводстве; к числу таких расходов согласно положениям ст. 131 УПК РФ отнесены расходы на представителя. Однако анализ диспозиции статьи показывает, что к процессуальным издержкам, связанным с оказанием юридической помощи, относятся только суммы, выплачиваемые адвокату за юридическую помощь в случае его участия в уголовном судопроизводстве по назначению [2, с. 51]. Можно сделать однозначный вывод, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возмещение потерпевшему, в том числе несовершеннолетнему потерпевшему, финансовых

расходов на привлечение к участию в деле адвоката.

Между тем, согласно официальным статистическим данным в период с 2012 г. по 2015 г. жертвами преступлений стали свыше 65 000 несовершеннолетних, из которых – 34 000 малолетние [6].

Несовершеннолетний потерпевший в силу своего возраста не соответствует уровню развития взрослого человека, не имеет жизненного опыта и специальных юридических знаний. По причине этих обстоятельств ребенок, ставший жертвой преступления, не способен самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов. Привлекаемый к участию в уголовном деле законный представитель несовершеннолетнего не обладает необходимыми юридическими знаниями; кроме того, будучи в стрессовом состоянии, вызванным тем, что его родной или опекаемый ребенок пострадал, не всегда может дать адекватную оценку обстоятельствам дела, активно участвовать в ходе уголовного процесса наравне с профессиональным адвокатом-защитником обвиняемого (подсудимого).

Вне всякого сомнения, в вопросах обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего лица, потерпевшего от преступления, ведущую роль играет адвокат, который в ходе участия в уголовном процессе на профессиональной основе способен оказать квалифицированную юридическую помощь пострадавшему подростку, в отличие от его законного представителя. Как показала судебная практика, в определенных случаях участие адвоката по назначению позволило значительно уменьшить количество нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших.

Положениями ст. 51 УПК РФ определены обстоятельства, при которых защитник должен участвовать в уголовном судопроизводстве в обязательном порядке. Данная норма уголовно-процессуального закона коррелируется с положениями п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ в той части, что определяет перечень ситуаций, когда обвиняемый (подозреваемый) приобретает право воспользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно.

Учитывая изложенные обстоятельства и положения действующего уголовно-процессуального законодательства, в целях обеспечения гарантии реализации прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, целесообразны следующие изменения: диспозицию п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ дополнить нормативным предписанием о том, что потерпевший наравне с обвиняемым имеет право не только на участие представителя и (или) законного представителя, но и на помощь адвоката, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом; диспозиции

ст.ст. 42 и 51 УПК РФ дополнить правилом, регламентирующим обязательное участие адвоката в уголовном судопроизводстве в качестве представителя потерпевшего, если жертва преступления – несовершеннолетний.

Библиографический список:

1. Арчаков М.Ю. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения реализации прав несовершеннолетних потерпевших // Российский следователь. 2011. № 12.
2. Глушков А.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в ходе уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2012. № 12
3. Ибрагимов И.М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. М.: Юриспруденция, 2008.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31.
5. О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: Рекомендация Комитета Министров Совета Европы государствам-членам от 28.06.1985 N R (85) 11 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Статистические данные за 2012-2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestuplenij-protiv-nesovershennoletnih.html> (дата обращения: 06.09.2019).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

Glushkov A.I., Smekina E.E. **To the question of the implementation of the right to protection of minors, victims of crime**

The article is devoted to the analysis of issues of legal regulation and the realization in modern conditions of the rights to protection of adolescents who have suffered as a result of the crimes committed against them. Legal literature, legislative acts, as well as judicial and investigative practice on this issue have been analysed. On the basis of the study, problems of ensuring the right to protection of juvenile victims in criminal proceedings were identified, as well as proposals for improving the norms of criminal procedure legislation regulating this sphere of activity and their application were justified.

Keywords: criminal proceedings, minor victims, right to protection, protection of victims' rights, legal representatives, legal assistance

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-45-49

УДК 342.7

Ф. Н. Михайлов, В. А. Вехрестюк

О расширении спектра работы комиссий по делам несовершеннолетних

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о необходимости внесения изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 N 120-ФЗ, в соответствии с которыми расширится спектр полномочий, перечень лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Ключевые слова: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, права ребенка, система профилактики, несовершеннолетние

Об авторах: Михайлов Филипп Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой гражданского права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: filmix68@mail.ru

Вехрестюк Вероника Алексеевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: veh.412@mail.ru

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав выступает связующим звеном между системами социальной практики и правосудия в отношении несовершеннолетних. В современных условиях комиссия выполняет не только административные функции, но и решает задачи, связанные с защитой прав детей, координацией деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, отрабатывает ювенальные технологии. Она обладает широким диапазоном мер для предупреждения правонарушений детей и подростков и наделена полномочиями по применению мер воздействия не только к несовершеннолетним, но и к их родителям, виновным в неправильном воспитании детей, к другим лицам, оказывающим отрицательное влияние на подрастающее поколение. В

системе ранней профилактики правонарушений комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав играет ключевую роль, так как она осуществляет координацию всей воспитательно-профилактической деятельности.

Для реализации основных направлений деятельности комиссия по делам несовершеннолетних в соответствии со ст. 11 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5] и в соответствии со ст. 7 Постановления Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» [3] имеет право: запрашивать и бесплатно получать от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности необходимые для своей работы сведения; приглашать должностных лиц, специалистов и граждан для получения от них информации и объяснений по рассматриваемым вопросам; привлекать для участия в работе представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, других заинтересованных лиц; разрабатывать и вносить предложения в органы государственной власти, органы местного самоуправления, предложения по осуществлению мероприятий в области защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений; рассматривать вопросы, связанные с отчислением несовершеннолетних обучающихся из организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6], и иные вопросы, связанные с их обучением; ставить перед уполномоченными органами вопрос о привлечении к ответственности должностных лиц и граждан в случае невыполнения ими постановлений, определений комиссий и непринятия мер по выполнению представлений комиссий; ходатайствовать перед судом: - о неприменении наказания, применение более мягкого наказания, об условном осуждении и применении других мер, предусмотренных федеральным законодательством в отношении несовершеннолетнего, привлеченного к уголовной ответственности; - о досрочном выпуске несовершеннолетнего из специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа; ходатайствовать перед должностными лицами воспитательной колонии об изменении условий отбывания наказания несовершеннолетнего и применении к нему предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом РФ [4] мер поощрения; применять установленные законодательством РФ и законодательством субъектов РФ меры

воздействия к родителям, иным законным представителям несовершеннолетнего, иным лицам за нарушение его прав и законных интересов; обеспечивать осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних; применять установленные законодательством РФ и законодательством субъектов РФ меры воздействия к несовершеннолетнему, совершившему противоправное деяние, проводить индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетнего, что отражено в ст. 5 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», данная статья содержит в себе закрыты перечень категорий лиц, в отношении которых проводится индивидуальная проверка; осуществлять иные полномочия, которые предусмотрены законодательством РФ и субъектов.

Содержание норм не охватывает всех несовершеннолетних, нуждающихся в мерах воздействия со стороны комиссии. Многие лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, страдают пристрастием к азартным видеоиграм (психологическая зависимость), которая помимо труднопреодолимого влечения к игре, характеризуется расстройством поведения, психологического здоровья и самочувствия гражданина, потере игрового контроля, в продолжительном участии в азартных играх вопреки наступлению неблагоприятных последствий [2].

В XXI веке актуальной стала проблема преодоления зависимости несовершеннолетних от компьютерных игр. Серьезная профилактическая работы на государственном уровне с такими лицами не проводится, а те меры, которые осуществляются, не достигают поставленных задач. Статистика Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 2019 г. показывает, что в семье 41% респондентов играют дети и внуки, то есть несовершеннолетние. Более половины опрошенных негативно воспринимают увлечение своих близких компьютерными играми (54%), большинство убеждено, что компьютерные игры вредят тем, кто в них играет (58%). Негативными последствиями от компьютерных игр респонденты назвали возникновение зависимости (26%), ухудшение зрения (23%), негативное влияние на психику (13%), еще 10% отметили, что игры провоцируют агрессию. При этом часть респондентов считают, что компьютерные игры помогают в развитии логического мышления (10%), повышении

скорости реакции (6%) и развитии внимательности (4%), 8% опрошенных отметили, что увлечение видеоиграми помогает общему развитию человека и повышает уровень интеллектуальных способностей - отмечено в исследовании [1].

Для проведения индивидуальной работы с указанной группой лиц в перечень компетенции комиссии необходимо добавить пункт, который будет включать в себя лиц, «имеющих зависимость от компьютерных игр». В соответствии с 11-ым перечнем международной классификации болезней, в который в июне 2018 г. Всемирная организация здравоохранения включила игровое расстройство и который планируется ввести в действие с 1 января 2022 г., лицо признается таковым, если человек более двенадцати месяцев патологически увлечен играми, при этом теряет друзей, пренебрегает всеми остальными аспектами жизни и личной гигиеной.

Актуальность инициативы обуславливается судебной практикой, так, например, «из-за длительного нахождения за компьютером с играми в декабре 2017 г. А. перестал посещать школу. По заявлению матери с целью избавления от компьютерной зависимости в мае 2018 г. А. был направлен в ГКУ Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» [1].

Целесообразно изменить ст. 5 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», добавив дополнительную категорию лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, тем самым расширив круг лиц, на который данный федеральный закон распространите свое действие и изложить ч.1 ст. 5 в следующей редакции: «1. Органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних: содержащихся в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, социальных приютах, центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, специальных учебно-воспитательных и других учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и (или) реабилитации; имеющих заболевание в форме игрового расстройства ...».

Библиографический список:

1. ВЦИОМ: более половины россиян считают, что видеоигры приносят больше вреда, чем пользы [Электронный ресурс] // ТАСС. 10.09.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6868832> (дата обращения: 15.10.2019).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
3. Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 N 995 Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (ред. от 29.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 11.11.2013. № 45. Ст. 5829.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.
5. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (ред. от 27.06.2018) // Российская газета. 30.06.1999. № 121.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ Об образовании в Российской Федерации (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 31.12.2012. № 303.
7. Федеральный закон от 23.02.2013 N 15-ФЗ Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2019) // Парламентская газета. 01-07.03.2013. № 7.

Mikhailov F.N., Vehrestyuk V.A. **Expanding the category of persons in respect of whom individual preventive work is being carried out by commissions for minors and protecting their rights**

This article discusses the need for amendments to the Federal Law «On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency» dated June 24, 1999 № 120-ФЗ, in accordance with which, the range of powers will be expanded, as well as the list of persons with respect to whom individual preventive work by commissions for minors and protecting their rights.

Keywords: the commission on the affairs of minors and the protection of their rights, the rights of the child, the prevention system, minors

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-50-54

УДК 342.7

И. Б. Малиновский, Г. С. Кирилин

**Правовые средства надзора военной прокуратуры за
соблюдением прав и свобод военнослужащих**

Аннотация:

В статье анализируется деятельность военной прокуратуры в области защиты прав и свобод военнослужащих. Поднимаются вопросы практической деятельности военной прокуратуры по обеспечению прав и свобод военнослужащих. Выявлены проблемы осуществления деятельности военной прокуратуры путем имеющихся правовых средств, обосновывается внесение изменений в действующее законодательство с целью обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав указанных лиц.

Ключевые слова: прокуратура, военная прокуратура, военнослужащие, права и свободы военнослужащих

Об авторах: Малиновский Игорь Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университета «Дубна»; и. о. заведующего кафедрой уголовного права; эл. почта: baltika190@mail.ru

Кирилин Георгий Сергеевич, Государственный университета «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: pochtdlykurs@gmail.com.

Особенности правового положения военнослужащих требуют специального подхода к защите присущих им прав и свобод как одного из главных направлений деятельности органов военной прокуратуры. В качестве правовой основы прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод военнослужащих выступает конституционный принцип приоритета обеспечения прав и свобод человека и гражданина (преамбула и ст. 2 Конституции РФ) [1, с. 78]. Прокуратура РФ и, входящая в ее состав военная прокуратура, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», обеспечивает надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными

органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций [3, с. 8].

Надзор военной прокуратуры за соблюдением прав и свобод военнослужащих осуществляется посредством реализации комплекса мероприятий, которые выполняются военными прокурорами (в том числе их заместителями и помощниками), нацеленных на обнаружение нарушений законодательства органами военного управления и принятие мер по их реальному устранению с целью восстановления нарушенных прав и свобод военнослужащих и членов их семей [2].

Военные прокуроры руководствуются требованиями приказа Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [6] и другими нормативно-правовыми актами, решениями коллегий Главной военной прокуратуры.

Материалы Главной военной прокуратуры РФ позволяют сделать вывод, что деятельность прокуратуры в данной области надзора достаточно результативна. Одно из наиболее важных факторов обеспечения безопасности и эффективности несения военной службы – требование соблюдения командованием воинских частей и подразделений законодательства, регламентирующего порядок комплектования войск и, в частности, осуществления призыва на военную службу.

Данной сфере военного строительства уделяется особое внимание, о чем свидетельствует повседневная практическая деятельность органов военной прокуратуры. Так, например, военной прокуратурой Восточного военного округа в рамках осеннего призыва граждан на военную службу в 2018 г. было осуществлено всестороннее надзорное сопровождение всех его мероприятий: выяснялась готовность к приему новобранцев сборных и пересыльных пунктов, воинских частей, куда они будут прибывать для прохождения службы, пристальное внимание уделялось размещению призывников, обеспечению их питанием, обмундированием и медикаментами [4].

Для предупреждения возможных правонарушений в вооруженных силах и создания благоприятных условий для адаптации молодых людей к военной службе в 2019 г. работниками органов военной прокуратуры совместно с командованием воинских частей и подразделений был реализован комплекс различных мероприятий: в частности, проводились лекции среди личного состава подразделений, осуществлялись

профилактические индивидуальные беседы с военнослужащими, склонными к нарушению дисциплины. Кроме того, были напечатаны и подготовлены к выдаче призывникам в военных комиссариатах памятки, в которых содержалась информация о правах и обязанностях военнослужащих, в том числе, контактная информация органов военной прокуратуры и полиции для оперативного получения необходимой юридической помощи. Была возобновлена работа пунктов по оказанию консультационных услуг и подготовлены телефоны «горячих линий». Благодаря деятельности военной прокуратуры в данной сфере, создаются благоприятные условия, способствующие как устранению правонарушений в военной сфере и их предупреждению, начиная с момента поступления граждан на военную службу [5].

Следует отметить, что в ст. 45 Гражданско-процессуального кодекса РФ закреплено положение о том, что прокурор вправе обратиться в суд для обеспечения защиты прав и свобод недееспособных граждан, неопределенного круга лиц, РФ, ее субъектов и муниципальных образований. Однако заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только при условии, что гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам сам не имеет реальной возможности обратиться в суд. К указанным категориям лиц необходимо добавить еще одну категорию граждан - военнослужащих по призыву. Необходимость дополнения проистекает из того, что военнослужащие по призыву обладают особым правовым статусом: у них отсутствует возможность свободного передвижения за пределами воинских частей, а ежедневная деятельность закреплена в общевоинских уставах и определяется, в том числе, распорядком дня. Это приводит возникновению затруднений, связанных с реализацией права гражданина по обращению в суд за защитой своих интересов и отстаиванием их в судебном заседании, а то и невозможности реализации данного права. Такое положение может определяться в качестве «других уважительных причин, препятствующих обращению в суд».

В соответствии со ст.ст. 22, 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор или его заместитель при осуществлении возложенных на них надзорных функций имеют право принести протест на противоречащий закону правовой акт. В этом случае орган или должностное лицо, в адрес которых вынесен протест, обязаны лишь рассмотреть его, однако обязательность устранения нарушений законодательства, которые изложены в протесте, законодателем не предписана. Наличие подобного рода ситуации вызывает сомнения с точки зрения законности.

В соответствии со ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель вправе объявить должностному лицу предостережение о недопустимости нарушения закона. Законодатель определяет возможность объявления предостережения только должностному лицу (в отдельных случаях предостережение может быть направлено руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам (при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности)). Это указывает на то, что предостережение, являясь одним из видов прокурорского реагирования не подлежит применению в отношении военнослужащих, рядового и сержантского состава. В том числе эта разновидность прокурорского реагирования не применяется по отношению к военнослужащим, которые осуществляют управленческие функции в общественных организациях, в частности РОСТО (ДОСААФ), в коммерческих структурах — органах военной торговли. Существует настоятельная необходимость по выработке и внесению в действующее законодательство изменений, связанных с исполнением требований прокурора, которые излагаются в протесте. Целесообразно расширить сферу действия положений законодательства об объявлении предостережений и на иные категории граждан, включая и военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

Таким образом, целесообразно дополнить ч. 1 ст. 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) «О прокуратуре Российской Федерации» и изложить ее в следующей редакции: «В целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам, в том числе военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, осуществляющим управленческие функции в общественных и коммерческих организациях предостережение о недопустимости нарушения закона»; внести изменения в ч. 2 ст. 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) «О прокуратуре Российской Федерации» и изложить ее в следующей редакции: «В случае неисполнения требований, изложенных в указанном предостережении, лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке».

Библиографический список:

1. Волеводз А.Г. Правовые аспекты военно-гражданских отношений: защита прав человека в военной сфере // Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ. М., 2018.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 14.04.2014. № 15. Ст. 1691.
3. Никитин А.П. Роль военной прокуратуры защите прав военнослужащих: современное состояние вопроса // Вестник военного права. 2017. № 1.
4. Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина (с последними изменениями, внесенными Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 21 июня 2016 г. N 361) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.10.2019).
5. Статистический отчет Главной военной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gvp.gov.ru/> (дата обращения: 19.10.2019).
6. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 О прокуратуре Российской Федерации (с последними изменениями, внесенными Федеральным законом от 03.08.2018 N 307-ФЗ (ред. 52)) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.10.2019).

Malinovskiy I.B., Kirilin G.S. **The legal means of supervision of the military prosecutor's office**

This article analyzes the activities of the military prosecutor's office in the field of protecting the rights and freedoms of military personnel. A number of regulatory legal acts in this area are analyzed, data from the official website of the military prosecutor's office. In addition, questions are raised about the practical activities of the military prosecutor's office to ensure the rights and freedoms of military personnel. On the basis of the study, problems were identified in the implementation of the activities of the military prosecutor's office through existing legal means, and justification is made for amendments to existing legislation in order to protect and restore the violated rights of military personnel.

Keywords: prosecutor's office, military prosecutor's office, military personnel, rights and freedoms of military personnel

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-55-60

УДК 34.07

А. А. Шишков, Н. Ю. Фарафонова

К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора

Аннотация:

В статье рассматривается проблема участия прокуроров в законотворческой деятельности. Субъекты права законодательной инициативы в РФ обладают полномочиями по сопровождению законопроекта на всех этапах законотворческого процесса. Предлагается внести изменения в действующее российское законодательство, закрепив право законодательной инициативы прокуроров субъектов в Конституции и действующем Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, право законодательной инициативы, законопроект, законотворческая деятельность

Об авторах: Шишков Андрей Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: aashishkov@yandex.ru

Фарафонова Наталья Юрьевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: natusik-farafonova@mail.ru

Законотворческий процесс – важная и неотъемлемая часть правотворческой деятельности государства. В России он состоит из нескольких стадий и начинается с права законодательной инициативы, то есть права определенных органов и должностных лиц ставить вопрос о принятии законов и вносить законопроекты на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Такому праву корреспондирует обязанность законодательного органа по рассмотрению поступивших законопроектов.

В процессе становления и развития российской прокуратуры (начиная с момента создания прокуратуры Петром I в 1722 г. и до настоящего времени) прокуроры, как правило, принимали участие в законотворческой деятельности. Полномочия прокуроров подвергались изменениям в зависимости от роли и статуса органов прокуратуры в

государственном механизме на том или ином этапе развития российской государственности [10, с. 30-31].

В дореволюционный период (с 1722 г. по 1917 г.) прокурорские работники принимали участие в законотворческой деятельности через соответствующие полномочия Генерал-прокурора. После судебной реформы 1864 г. статус прокуратуры претерпел серьезные изменения: из органа надзорного типа прокуратура преобразовалась в орган уголовного преследования, но при этом в обязанности прокуроров входило консультирование государственных органов и должностных лиц по правовым вопросам [10, с. 20-23].

В результате Октябрьской революции прокуратура была упразднена, поскольку в соответствии с марксистской теорией данный орган считался буржуазным, препятствующим установлению демократии. Это негативно отразилось на состоянии законности в государстве, и поэтому в 1922 г. была учреждена Государственная прокуратура в составе Народного комиссариата юстиции. Позднее в Положении о прокуратуре СССР 1933 г. [11] было указано, что прокурор Союза ССР участвует с совещательным голосом в заседаниях президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР, Совета народных комиссаров Союза ССР, Совета труда и обороны и Комиссии Исполнения при СНК Союза ССР и имеет право законодательной инициативы. Право законодательной инициативы прокурора СССР было закреплено в Конституции СССР 1936 г. [11].

Конституция СССР 1977 г. [11] сохранила за Генеральным прокурором СССР право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР.

Закон «О прокуратуре СССР» 1979 г. [11] вслед за Конституцией СССР отразил право законодательной инициативы, принадлежащее Генеральному прокурору СССР. В соответствии с конституциями союзных республик и конституциями автономных республик прокурорам союзных и автономных республик принадлежало право законодательной инициативы соответственно в Верховных Советах союзных и Верховных Советах автономных республик.

В 1992 г. был принят новый Закон «О прокуратуре Российской Федерации» [11], в первоначальной редакции которого за Генеральным прокурором сохранялось право законодательной инициативы. В соответствии со ст. 8 Генеральному прокурору РФ, прокурору республики в составе РФ принадлежало право законодательной инициативы в пределах своей компетенции.

Однако с принятием Конституции РФ 1993 г. [11] Генеральный прокурор был лишен такого права. В соответствии с положениями новой Конституции Российское государство было признано правовым, и поэтому статус прокуратуры подвергся некоторым изменениям. Ст. 9 действующей редакции Закона «О прокуратуре Российской Федерации» содержит следующую норму: прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

В научной литературе высказываются неоднозначные мнения по поводу данной нормы. Так, например, Д.В. Иванюшко [11, с. 157], С.Х. Джиоев [3, с. 42], М.С. Шалумов, Н.Э. Шалумова [3, с. 130] и ряд других ученых в своих работах указывают на необходимость предоставления Генеральному прокурору РФ права законодательной инициативы, закрепления аналогичного права иных прокуроров в действующем Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Это обусловлено тем, что прокурорские работники наиболее осведомлены о состоянии законности в государстве, о наличии пробелов или иных недостатков действующего законодательства. Именно прокурорам известно о том, какие нормативные правовые акты действительно работают в настоящее время, а какие утратили свою актуальность и поэтому нуждаются в преобразовании.

Д.В. Иванюшко в своей работе обращает внимание на то, что «если праву прокурора обращаться с правотворческим предложением не корреспондирует обязанность соответствующих органов эти предложения рассмотреть, то совершенно обоснованно можно заявить о декларативном характере ст. 9 Закона о прокуратуре» [2, с. 158]. Подобные обращения должны рассматриваться, но в общем порядке. Таким образом, реализация функции участия Генерального прокурора в правотворческой деятельности существенно затруднена.

Важно, что субъекты права законодательной инициативы обладают полномочиями по сопровождению законопроекта на всех этапах законотворческого процесса. Следовательно, Генеральный прокурор РФ при выполнении законотворческой функции не уполномочен вносить изменения в законопроекты. Справедливо отмечает О.А. Фомичева, что «при реализации законодательной инициативы, где автор-субъект и субъект реализации

не совпадают, существует риск несоблюдения общей концепции автора законопроекта или части законотворческих предложений» [3, с. 52].

В конце 90-х гг. XX в. предпринимались попытки вернуть Генеральному прокурору РФ право законодательной инициативы: 20 ноября 1998 г. был зарегистрирован и внесен законопроект № 98094934-2 «О поправках к статьям 104 и 125 Конституции РФ о наделении Генерального прокурора правом законодательной инициативы, правом обращения с запросом в Конституционный Суд и об изменении наименования главы 7 Конституции РФ», который был отклонен Государственной Думой [3].

Ряд субъектов РФ в своих конституциях (уставах) предоставляет прокурорам право законодательной инициативы на основании п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [3]. Такому праву корреспондирует обязанность законодательного (представительного) органа субъекта по рассмотрению внесенного законопроекта.

Пунктом 1.1 Приказа Генпрокуратуры России от 24.11.2008 № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» [3] рекомендуется прокурорам в субъектах РФ, где прокуратура не обладает правом законодательной (нормотворческой) инициативы, ставить вопрос о предоставлении прокурорам такого права конституциями (уставами) субъектов РФ, уставами муниципальных образований. Таким образом, прокуратура реализует свою законотворческую функцию преимущественно на уровне субъектов РФ.

Однако, в соответствии с ч. 1 ст. 129 Конституции РФ полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются федеральным законом, в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции прокуратура относится к ведению РФ. Все вопросы деятельности прокуратуры должны единообразно разрешаться на уровне РФ, а не зависеть от законодательства субъектов. Поэтому, на наш взгляд, необходимо закрепить право законодательной инициативы прокуроров субъектов в Конституции и действующем Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации».

Таким образом, в целях повышения эффективности осуществления прокурорского надзора предлагаем изложить статью 9 «Участие в правотворческой деятельности» Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в следующей редакции: «Генеральному прокурору Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской

Федерации, прокурорам городов, районов и приравненных к ним прокурорам, иным прокурорам принадлежит право законодательной инициативы в пределах своей компетенции».

Соответствующие изменения целесообразно внести в статью 104 Конституции РФ, в конституции (уставы) субъектов РФ, уставы муниципальных образований, в иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы деятельности российской прокуратуры.

Библиографический список:

1. Джиоев С.Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 40-46.
2. Иванюшко Д.В. К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 157-160.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 06.12.1936. № 283.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 61.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
6. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 18.02.1992. № 39.
7. О прокуратуре СССР: Закон СССР от 30.11.1979 N 1162-X // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843.
8. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.
9. Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления: Приказ Генпрокуратуры России от 24.11.2008 N 243 (ред. от 15.03.2018).
10. Паштов Д.Р. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Паштов Джамал Русланович. М., 2014.
11. Положение о прокуратуре Союза ССР: Постановление ЦИК СССР N 84, СНК СССР N 2621 от 17.12.1933 // СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 26.
12. Система обеспечения законодательной деятельности / Объекты законотворчества / Законопроект № 98094934-2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/98094934-2> (дата обращения: 14.10.2019).

13. Фомичева О.А. Прокуратура как субъект права законодательной инициативы в законотворческой деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 10. С. 50-55.

14. Шалумов М.С., Шалумова Н.Э. Участие в правотворческой деятельности как функция современной российской прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 126-132.

Shishkov A.A., Farafonova N.Yu. **To the question of the right of legislative initiative of the prosecutor**

This article discusses the problem of the participation of prosecutors in lawmaking activity, it is proposed to amend the current Russian legislation, giving prosecutors the right of legislative initiative.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor, right of legislative initiative, draft law, lawmaking activity

Проблемы регулирования частных правоотношений

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-61-66

УДК 347.64

Ф. Н. Михайлов, М. Д. Сухарева

Патронаж как форма попечительства над дееспособными совершеннолетними гражданами в Российской Федерации

Аннотация:

В российском законодательстве закреплена такая форма попечительства над дееспособными совершеннолетними гражданами как патронаж. Патронаж в РФ имеет ряд особенностей и отличительных черт. В настоящее время существуют спорные вопросы, касающиеся того, над кем может быть установлен патронаж и какой орган власти осуществляет контроль и надзор за данным видом деятельности. В статье предприняты попытки ответить на эти вопросы через совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: патронаж, опека, попечительство, дееспособный, совершеннолетний, гражданин, законодательство

Об авторах: Михайлов Филипп Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой гражданского права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: filmix68@mail.ru

Сухарева Мария Дмитриевна, Государственный университет «Дубна», магистрант кафедры уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: sukhareva.mari@mail.ru

Главное направление в развитии социального государства – создание и сохранение условий, обеспечивающих реализацию прав человека на охрану здоровья и свободное развитие личности. Данные положения закреплены в Конституции РФ. Однако обеспечение населения социальной защитой невозможно без непосредственного участия самих граждан

РФ. Поэтому государство разрабатывает различные направления для развития не только государственной системы здравоохранения, но и частной [4].

В российском законодательстве патронаж закреплен как форма попечительства над дееспособными гражданами. В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) установлено: «Над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, может быть установлен патронаж». В Федеральном законе «Об опеке и попечительстве» № 48-ФЗ от 24.04.2008 г. в статье 14, закреплено следующее: «...Установление опеки или попечительства допускается по договору об осуществлении опеки или попечительства (в том числе по договору о приемной семье либо в случаях, предусмотренных законами субъектов РФ, по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании). Договор об осуществлении опеки или попечительства заключается с опекуном или попечителем в соответствии со статьей 16 настоящего Федерального закона» [5].

Слово «патронаж» в переводе с французского (*patronage*) означает «поддержка», «покровительство». Однако в российском законодательстве отсутствуют четкое определение этой формы попечительства и его задач. Основываясь на этимологии данного понятия, можно определить задачи, которые ставит перед собой патронаж: оказание помощи, и поддержки дееспособным лицам, выполнение фактических поручений подопечного, оказание психологической поддержки гражданину и осуществление практической помощи в ведении быта.

Правоведы имеют различные взгляды на место патронажа в системе гражданско-правовых отношений. Так, А.М. Нечаева считает, что патронаж над дееспособными гражданами необходимо отличать от опеки и попечительства [1, с. 90]. К.Б. Ярошенко настаивает на том, что патронаж – это новый институт, предназначенный для оказания гражданам содействия в осуществлении имущественных прав. В то же время С.М. Попова, М.В. Кротов рассматривают патронаж как разновидность попечительства [2, с. 115].

Законодательно определено, что органы опеки и попечительства осуществляют деятельность, направленную на защиту прав и свобод недееспособных или ограниченно дееспособных граждан. Патронаж служит защите прав гражданина, который по состоянию здоровья не в силах заботиться о себе самостоятельно, но цели патронажа не совпадают с целями опеки и попечительства, поскольку лицо, находящееся под патронажем,

дееспособно, то есть, все юридически значимые действия оно может совершать самостоятельно, в отличие от лиц, имеющих психические отклонения.

Правовое положение помощника (патроната) и правовое положение попечителя различаются. Так, помощник (патронат) не имеет никаких прав для представления совершеннолетнего дееспособного гражданина в различных сферах правоотношений, не может выступать от лица, находящегося под патронажем, в каких-либо судебных органах, представлять его интересы в иных государственных органах. Гражданин, которому назначен патронат, представляет сам себя во всех правовых сферах государства. То есть, патронаж имеет исключительную имущественную направленность.

В РФ патронаж осуществляется на основе договоров: поручения, доверительного управления имуществом или иного, в качестве которого могут выступать: договор пожизненной ренты, агентирования, пожизненного содержания с иждивением. Договоры заключаются на основании согласия совершеннолетнего дееспособного гражданина и помощника. Стоит отметить, что договоры дееспособный гражданин заключает не с муниципальным органом опеки и попечительства, а непосредственно с лицом, которое будет выступать в качестве патроната. Однако с юридической точки зрения сужать регламентацию патронажа не совсем верно, так как при использовании такого способа защиты прав и интересов дееспособных совершеннолетних граждан возможно сочетание различных прав и обязанностей сторон, то есть возможно заключение смешанных договоров. В связи с этим, представляется, что помощник, то есть патронат, и его подопечный, то есть дееспособный совершеннолетний гражданин, могут самостоятельно определять, какой договор будет наиболее подходящим.

Несмотря на то, что, в отличие от попечителя, патронат не может выступать от лица своего подопечного, не исключает возможность закрепления данного права в договоре между ними. В случае, если патронат имеет такие обязательства перед подопечным, договор следует квалифицировать как оказание услуг.

В настоящее время патронаж – наименее урегулированная форма попечительства, в которой немало спорных и законодательно не закрепленных моментов, что способно приводить к негативным последствиям. К примеру, Малая медицинская энциклопедия определяет понятие «патронаж», как форму работы лечебно-профилактических учреждений, основными целями которой являются проведение на дому оздоровительных и профилактических мероприятий, внедрение правил личной гигиены и улучшение санитарно-гигиенических условий в быту [3, с. 281]. Наиболее распространен патронаж в

учреждениях охраны материнства и детства, в некоторых диспансерах. Патронажами в таких учреждениях и диспансерах выступают: врачи, участковые (патронажные) сестры, фельдшеры и акушеры женских консультаций. В статье 41 Гражданского кодекса РФ, где определяются основные направления деятельности и цель патронажа, отсутствует четкое понимание, в отношении каких людей такая деятельность может осуществляться. Например, в ч. 1 статьи 41 ГК РФ устанавливается категория граждан, над которой может быть установлен патронаж. Это совершеннолетний дееспособный гражданин, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и осуществлять свои обязанности. Но тогда о каком здоровье идет речь? Здоровье – это состояние, определенный уровень качества жизнедеятельности человека, определяющий возможность адаптации организма к окружающей среде, взаимодействие человека с естественной средой обитания. К качеству жизнедеятельности человека в определенных возрастных категориях выделяют способность к деторождению, физическое развитие, умственные способности и прочее. К понятию здоровья, несомненно, относится и нормальное, стабильное психическое развитие человека, отсутствие прогрессирующих психических заболеваний. Здоровье по сути – комплекс всех психических и физиологических аспектов человека, которые функционируют и дополняют друг друга, составляя тем самым полноценную личность. То есть, здоровье включает в себя два важных составляющих: психическую и соматическую.

В случае, если человек имеет какие-либо психические отклонения, нарушения или отставания в развитии, он может быть признан либо полностью недееспособным, либо ограниченно недееспособным. По смыслу части 1 статьи 41 ГК РФ патронаж может быть установлен лишь над человеком, здоровым психически, и если таковые нарушения обнаруживаются, то патронаж прекращается и возбуждается дело о признании гражданина ограничено или полностью недееспособным.

Современное законодательство РФ не отвечает на ряд существенных вопросов: какие требования должны предъявляться к лицу, которое будет выступать в качестве патроната? Может ли в качестве патроната выступать юридическое лицо?

Агентства и службы, задействованные в патронаже, обязаны зарегистрироваться в какой-либо организационно-правовой форме (зачастую – это общества с ограниченной ответственностью), получив соответствующую лицензию. При обращении человека самостоятельно за помощью к таким агентствам или службам патронажный договор

заключается непосредственно с организацией, которая предоставляет сотрудника для его реализации.

В части 2 статьи 41 ГК РФ установлено, что в течение месяца со дня выявления гражданина, который по состоянию здоровья не может защищать свои права и интересы, исполнять возложенные на него обязанности, ему назначается помощник. Однако ни в данной статье кодекса, ни в ФЗ «Об опеке и попечительстве» в полномочиях органов опеки и попечительства не закреплена обязанность по выявлению таких граждан. В некоторых случаях гражданин может сам обратиться в органы опеки и попечительства, либо в коммерческую организацию за помощью. Остается непонятным, кто будет выявлять граждан, нуждающихся в помощи, но в силу жизненных обстоятельств или в силу физического состояния лишенных возможности самостоятельно заявить об этом.

Обобщая особенности патронажа на территории РФ, можно сделать следующие выводы. В патронажных отношениях в качестве сторон всегда выступают дееспособные совершеннолетние лица. При осуществлении патронажа на основе договорных обязательств сторон, договоры могут быть смешанными, заключая в себе признаки сразу нескольких договоров. Действующее же законодательство целесообразно изменить следующим образом: дополнить статью 8 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» пунктом 1.1: «выявление и учет совершеннолетних дееспособных граждан, нуждающихся в патронаже»; дополнить часть 1 статьи 41 ГК РФ следующим: «над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию *соматического* здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, может быть установлен патронаж».

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая: Научно-практический комментарий / Отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М., 1996. С. 90.
2. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 115.
3. Малая медицинская энциклопедия в 6 томах / Под ред. В.И. Покровского. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1991-1996. Т.4. С. 281.
4. Распоряжение Правительства РФ от 19.01.2006 № 38-р О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006-2008 годы) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 5. Ст. 589.
5. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Российская газета от 30 апреля 2008 г. № 94.

Mikhailov F.N. Suhareva M.D. Patronage as a form of guardianship over competent adult citizens in the Russian Federation

Russian law enshrines such a form of guardianship over capable adult citizens as patronage. Patronage in the Russian Federation has a number of features and distinctive features.

At present, there are still controversial issues regarding whom patronage can be established and which authority exercises control and supervision over this type of activity.

Keywords: patronage, guardianship, guardianship, competent, adult, citizen, legislation

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-67-71

УДК 340.115.7

О. Б. Желтов, А. А. Бусыгин

**Правовая защита имущества должника в процедуре
банкротства физических лиц в России и за рубежом
(историко-правовой аспект)**

Аннотация:

В статье представлена новая концепция процедуры реализации имущества гражданина-должника посредством внесения изменений в законодательство о банкротстве. Проанализирована история появления этого вопроса в российском праве и использован опыт стран СНГ. Доказана целесообразность установления единого стандарт иммунитета на жилье должника – определенное количество квадратных метров на человека.

Ключевые слова: банкротство граждан, единственное имущество, защита прав заемщиков в России и за рубежом, СНГ, развитие законодательства, история, тенденции

Об авторах: Желтов Олег Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: prep99@mail.ru

Бусыгин Антон Андреевич, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: antonbus@bk.ru

Вопрос о недопустимости обращения взыскания на единственное жилье должника актуализирован в России новациями законодательства в сфере банкротства граждан [6]. При принудительном исполнении судебных актов в отношении должника судебные приставы-исполнители руководствуются статьей 79 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее-Закон об исполнительном производстве) [5], исключая такое имущество. Такое же правило закреплено в законе о банкротстве (пункт 3 статьи 213.25).

Защита единственного имущества должника при проведении процедуры банкротства – яркий пример нацеленности института банкротства в России на соблюдение

их интересов. Согласно ст. 79 Закона об исполнительном производстве не подлежит взысканию единственное жилье должника, если у него отсутствует иное имущество, кроме квартиры или жилого дома, который принадлежит должнику частично или целиком. Взыскатель не сможет реализовать его ни в рамках процедуры банкротства, ни в рамках исполнительного производства. Абсолютное применение данного правила способно существенно нарушить права и интересы кредиторов в случае, если недобросовестный должник решит воспользоваться своим иммунитетом на реализацию единственного жилья. Основная же задача процедуры банкротства гражданина – списание долга. Многие граждане используют инструмент иммунитета единственного жилья как способ защиты от кредиторов и приставов. Стандартная ситуация – это наличие долга в два или три миллиона рублей, квартира, на которую не может быть обращено взыскание, и полное списание долгов после окончания процедуры. Есть и исключительные случаи, – граждане переписывают свое жилье на родственников или используют процедуру банкротства, владея дорогостоящими апартаментами, на которые не может быть обращено взыскание.

Судебная практика пока не дает ответов на вопросы, можно ли продать единственное жилье при условии покупки другого, и кто должен определять условия сделок [2], в частности, цену и площадь.

История появления этой нормы в законодательстве РФ уникальна, – это прямая рецепция правил ГПК РСФСР 1964 г. [4, с. 56]. Статья 369 предусматривала перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание: необходимые для должника и состоящих на его иждивении лиц продукты питания, предметы одежды, домашней обстановки и утвари, жилой дом с хозяйственными постройками. Норма легко объяснима с точки зрения социального строя и фактического отсутствия частной собственности. В законодательстве РФ жилой дом превратился в единственное жилье.

Первый ГПК РСФСР 1923 г. в ст. 271 предусматривал, что необходимые для производства орудие труда, инвентарь, ткацкое оборудование, предметы оборудования фабрик, заводов и мастерских могут подлежать аресту не в отдельности, а лишь при обращении взыскания на предприятие в целом, если по действующему законодательству на предприятие вообще может быть обращено взыскание [4, с. 57]. Жилой дом в тексте кодекса 1923 г. отсутствовал.

В законодательстве Российской империи отсутствовало правило о единственном жилье. Г.Ф. Шершеневич пишет, что устав гражданского судопроизводства не предусматривал взыскания на: предметы домашнего обихода, часть пенсии, служебную

обстановку (форменная одежда, книги, инструменты), иконы, письма, имеющие личное значение, жилье не входило в имущество, на которое не обращалось взыскание. Единственным интересным аналогом являлись имения в Западных губерниях (Польша, Прибалтика), жалованные по майорату, на которые не могло быть обращено взыскание, лишь только на доходы, которое оно приносит [7].

После распада СССР и образования СНГ было принято большое количество законодательных актов, которые заимствовали, изменяли, модернизировали опыт советских времен. Интересен в этом смысле опыт Украины: в ч. 6 статьи 131 Кодекса Украины по процедурам банкротства от 18 октября 2018 г. в состав ликвидационной массы не включается жилье – единственное место проживания семьи должника (квартира общей площадью не более 60 квадратных метров или жилой площадью не более 13,65 квадратного метра на каждого члена семьи должника или жилой дом общей площадью не более 120 квадратных метров) и предмет обеспечения, иное имущество должника, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание [1, с. 93-97].

В законодательстве республики Беларусь, в приложении к кодексу об исполнительном производстве, установлен перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. Данный перечень – копия ГПК РСФСР 1964 г. Жилой дом и квартира не могут быть реализованы, если они не являются предметом залога. Институт банкротства граждан отсутствует в законодательстве Белоруссии, есть только банкротство ИП, в процессе которого исключению из конкурсной массы подлежит имущество из уже указанного перечня.

В законе «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» Республики Казахстан в ст. 61 предусмотрен перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание: предметы домашней обстановки, хозяйственные постройки, скот, топливо для обогрева, инвентарь, специальный транспорт инвалидов, международные призы, продукты питания. Упоминания о жилье отсутствуют, что, скорее, исключение, но не правило для законодательства стран СНГ [1, с. 98-99].

Законодательством Украины предусмотрено, на наш взгляд, наиболее комплексное решение данного вопроса. В законодательстве РФ возможно установить единый стандарт, определяющий число квадратных метров на человека, с учетом того, что в нашем праве уже есть случаи, когда государство накладывает ограничение на квадратуру жилья. Введение аналогичной нормы позволит существенно улучшить пополнение конкурсной массы, баланс интересов кредиторов и должников. В нашей стране долгое время действует

программа «Молодая семья», в которой применяются нормативы, зависящие от состава семьи. Каждому члену семьи должно приходиться по 18 кв. м. жилой площади, нормативы свыше могут быть установлены местными органами власти [2].

В связи с этим, полагаем, что пункт 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве целесообразно изложить следующим образом: «в состав конкурсной массы не включается жилье, которое является единственным местом проживания семьи должника (квартира общей площадью не более 60 квадратных метров или жилой площадью не более 18 квадратных метров на каждого члена семьи должника или жилой дом общей площадью не более 120 квадратных метров) и не является предметом обеспечения, иное имущество должника, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание». Изменение решит проблему многочисленных злоупотреблений правом и повысит возможность получения дополнительного вознаграждения арбитражными управляющими от реализации имущества должника.

Библиографический список:

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: В 3 т. Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. М., 2017.
2. Постановление 18 Арбитражного Апелляционного суда от 09.08.2019 г. по делу № 18АП-10108/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.09.2019).
3. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. N 1050 О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2010. № 302. Ст. 475.
4. Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции и Англии, Германии. М., 2015.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ Об исполнительном производстве // СЗ РФ. 2007. № 82. Ст. 520.
6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ О несостоятельности (банкротстве) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т.4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. СПб, 1912. 352 с.

Zhelтов O.B., Busygin A.A. Legal protection of the debtor's property in the bankruptcy proceedings of individuals in Russia and abroad (historical and legal aspect)

It is proposed to introduce changes to the procedure for the sale of property of a citizen, by amending the Bankruptcy Law, the author analyzes the history of this issue in Russian law and the experience of CIS countries.

Keywords: bankruptcy of citizens, single property, protection of borrowers' rights in Russia and abroad, CIS, development of legislation, history, trends

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-72-77

УДК 347.78

С. Г. Бунина

Цитирование как юридически значимое действие: виды и критерии правомерности

Аннотация:

Цитирование как элемент научного исследования, нередко служит основанием для предъявления претензий, связанных с заимствованием текста в необоснованно больших объемах. Острота проблемы в XXI веке сопряжена с доступностью большого объема информации, что создает возможность необоснованно широкого заимствования текста. Внедрение и функционирование информационных систем, позволяющих определять степень заимствований и выявлять наиболее востребованные исследования, при неверном подходе к анализу результатов, могут служить препятствием для использования достаточного для конкретной работы объема цитат.

Ключевые слова: научное цитирование; авторское право; плагиат; нормы этики

Об авторе: Бунина Сона Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: bunina@uni-dubna.ru

Цитата – сравнительно короткий отрывок из другого произведения, доказывающий или разъясняющий утверждение самого автора либо публикующий взгляды другого в подлинной формулировке. Цитирование раскрывается в толковых словарях русского языка как «ссылаться, приводить чьи-либо слова, делать выписку дословно» [6]. Цитирование всегда указывает на чужое мнение/ источник. Юридическое определение самой цитаты отсутствует, право устанавливает ее содержание, виды и пределы в диспозициях регулирующих норм.

Пределы цитирования в национальном и международном праве определяются, в том числе, через нормы этики. Глоссарий основных терминов Всемирной организации интеллектуальной собственности [2] указывает, что выражение «добросовестная практика» используется в определенных положениях Бернской Конвенции об охране литературных и художественных произведений 1971 г. [1] в отношении исключений из авторско-правовой

охраны, касающихся цитирования и свободного использования произведений в объеме, оправданном поставленной целью. Термин «добросовестное использование» определяется как разумное и ограниченное использование произведения, охраняемого авторским правом, без разрешения автора, а именно такое, как цитирование книги в книжном обозрении или использование ее частей в пародии. Добросовестное использование – средство защиты от обвинений в нарушении прав с учетом следующих определенных законом факторов: цель и характер использования, характер произведения, охраняемого авторским правом, масштабы использования произведения и экономические последствия использования.

Содержание цитирования вытекает из диспозиций норм и раскрывается в судебных актах. Ссылаться в тексте на литературные источники приходится в различных ситуациях: прямое цитирование, изложение оригинальных мыслей без цитирования, цитирование не по первоисточнику, перечисление авторов, работавших над сходной проблемой, приведение из другого литературного источника рисунка, схемы, таблицы. В зависимости от целей цитирования, законодательно выделяются цитирование в научных, полемических, критических, информационных, учебных целях. Национальный стандарт РФ устанавливает, что при прямом цитировании в тексте приводится фраза или часть фразы из какого-либо другого источника. Цитата обязательно должна быть заключена в кавычки, а цитирование должно быть полным, без произвольного сокращения цитируемого фрагмента и без искажения смысла. Пропуск второстепенных слов, не влияющих на смысл, обозначается многоточием. А каждая цитата должна сопровождаться ссылкой на источник, откуда она была позаимствована [5].

Изучение пределов научного цитирования в тесной взаимосвязи требований права с требованиями норм этики обусловлено особенностями регулирования сферы. Подход к пределам цитирования, заложенный в нормах этики и права, представляется правильным при их комплексном применении. Практические проблемы возникают при попытках одностороннего решения проблемы. Существующие информационно-аналитические ресурсы представляют возможность защиты авторских прав и создают доступ к кладези научных исследований, использование которых требует четкого соблюдения действующих социальных норм права и этики. В настоящее время в оборот вошел термин «индекс научного цитирования» - частота упоминания любых научных статей, аннотаций и списков литературы, используемой в рефератах, диссертациях и монографиях, которые содержатся в специализированной информационной базе. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) позволяет более объективно оценивать деятельность научно-образовательных

организаций, научных коллективов и отдельных ученых, в сопоставлении с аналогичными работами за рубежом. По этой библиографической базе, которую ведет Научная электронная библиотека, можно находить как сами цитируемые работы, так и подсчитать индекс их цитирования. Исследователям, нуждающимся в поиске работ по интересующим их темам, благодаря индексу научного цитирования проще ориентироваться в том, что нового появляется в мировой науке.

Зарождение же института защиты авторских прав в России началось с формального определения пределов цитирования. Так, в «Положении о правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей» 1828 г. было установлено, что «случайное перепечатание в каком-либо издании мелкой статьи, не занимающей более одного печатного листа, или перевод оной на другой язык, а равно и перепечатание известий политических (с указанием источника) или до Словесности, Наук и Художеств относящихся, не почитается контрафакцией» [5, § 11]. В первых нормах отечественного права видно четкое определение пределов допустимого цитирования – один печатный лист: «Ссылки на книгу не почитаются контрафакцией, но токмо при соединении следующих условий: а) если в ссылках выписано не более третьей части книги, (закрывающей в себе более одного печатного листа) и б) если текста самого Сочинителя находится вдвое более против ссылок из одной какой-либо книги» [5, § 12]. Действовал прямой запрет журналистам перепечатывать под видом рецензий чужие тексты, даже если они занимали и менее одного печатного листа. Самовольным изданием (контрафакцией) признавалось, в том числе, издание «в чужих краях» и перевод книг, изданных в России без согласия. Охранялось право сочинителя на произнесенную им речь.

Советское гражданское законодательство четко определяло пределы цитирования: «Использование произведения без согласия автора и без уплаты авторского вознаграждения... допускается... воспроизведение в научных и критических работах, учебных и политико-просветительных изданиях отдельных изданных произведений науки, литературы и искусства и отрывков из них; при этом воспроизведение в виде цитат допускается в пределах, обусловленных целью издания, а воспроизведение в ином виде, в том числе в сборниках, допускается в объеме, не превышающем в общей сложности одного авторского листа из произведений одного автора» [4, ст. 492].

Международное частное право не устанавливает объем цитирования в печатных листах, процентах и пр. Статья 10 Бернской конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. закрепляет, что «допускается

цитирование произведения, которое уже было доведено до всеобщего сведения на законных основаниях, при условии, что оно осуществляется добросовестно и в объеме, оправданном поставленной целью, включая цитирование статей из газет и журналов в виде обзоров печати» [1].

Развитие отечественного законодательства привело к отказу от формальной определенности объемов цитат, и действующий Гражданский кодекс устанавливает, что «допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования цитирование в оригинале и в переводе в научных, полемических, критических, информационных, учебных целях, в целях раскрытия творческого замысла автора правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования, включая воспроизведение отрывков из газетных и журнальных статей в форме обзоров печати» [3, ст. 1274].

В настоящее время объем допустимых заимствований может определяться судом в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств. При раскрытии допустимого объема – «объема, оправданного целью цитирования» – суд может учитывать требования норм этики научного исследования – добросовестность при проведении научных изысканий, признание интеллектуального вклада других ученых, оригинальность и новизну. Допустимый объем зависит от тематики исследования. Так, например, научное исследование, имеющее своим объектом творчество определенного автора, в обязательном порядке требует периодического обращения к тексту автора. Равно как и историческое исследование, требующее обращения к тексту памятников истории. Таким образом, отход законодателя от закрепления конкретного объема представляется верным.

Определением Верховного Суда РФ раскрыто понятие: «под цитированием понимается включение одного или нескольких отрывков из произведения одного автора в произведение другого автора [7]. Как цитату следует рассматривать и графическое воспроизведение части произведения изобразительного искусства. К последним относятся произведения живописи, графики, дизайна». Кроме того, раскрыта цель цитирования: «Цитирование производится для иллюстрации, подтверждения или опровержения высказываний автора, допустимо в указанных в Законе целях (научных, критических, информационных целях и в обзорах печати), только из обнародованных произведений и в объеме, оправданном целью цитирования» [7]. Необходимо учитывать, что в российском гражданском законодательстве термин «заимствование» используется только в

словосочетании «источник заимствования», подразумевая использование правомерно опубликованного произведения без согласия автора и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора и источника в определенных строго оговоренных законом случаях. Определением Владимирского областного суда зафиксирована обязанность четко определять сноской источник заимствования и соблюдения требований ГОСТ 7.1-84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления» при оформлении библиографических ссылок...». Отсутствие обязанности оформлять сноски при цитировании своих же трудов зафиксирована определением Московского городского суда от 4 июля 2013 г.: «При таких обстоятельствах суд правильно исходил из того, что у ответчика отсутствовала обязанность указывать в диссертационном исследовании и автореферате ссылку на источник – статью, поскольку статья «Х» была написана ответчиком» [9].

Таким образом, подход к установлению пределов цитирования, заложенный в нормах этики и права, представляется правильным при их комплексном применении. Практические проблемы возникают при попытках одностороннего решения проблемы. Существующие информационно-аналитические ресурсы представляют возможность защиты авторских прав и создают доступ к научным исследованиям, использование которых требует четкого соблюдения действующих социальных норм: норм права и этики.

Библиографический список:

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (дополненная в Париже 4 мая 1896 г., пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 г., дополненная в Берне 20 марта 1914 г. и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 г., в Брюсселе 26 июня 1948 г., в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Париже 24 июля 1971 г., измененная 2 октября 1979 г., для Российской Федерации Конвенция вступила в силу 13 марта 1995 г. О присоединении Российской Федерации – Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1224).
2. Глоссарий основных терминов Всемирной организации интеллектуальной собственности, Межправительственный комитет по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору Всемирной организации интеллектуальной собственности, Двадцать пятая сессия, Женева, 15 - 24 июля 2013 г.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ Часть четвертая // Российская газета – Федеральный выпуск №0 (4255).
4. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.) (ред. от 24.12.1992) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 7.
5. Национальный стандарт РФ «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка (по ГОСТу Р 7.0.5 — 2008 «Библиографическая ссылка»).

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 3-5.
7. Определение Верховного Суда РФ от 05.12.2003 № 78-03-77 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://resheniya-sudov.ru/2004/93574/> (дата обращения: 03.09.2019).
8. Определение Владимирского областного суда от 23 ноября 2010 г. по делу № 33- 3618/1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oblsud.wld.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.09.2019).
9. Определение Московского городского суда от 4 июля 2013 г. № 4 г /5-4639/13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs> (дата обращения: 03.09.2019).
10. Положение о правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III. 1828 г. СПб., 1830. С. 478-480.

Bunina S.G. Citation as a legally significant action: types and criterias of legitimacy

The study of the limits of the scientific citation with reference to robust relationship between the right and ethic standards requirements is specified by the peculiarity of regulation in this area. Citation is an essential condition for a defensible research and, at the same time, in some cases it is a ground for a claim connected with borrowing texts of unreasonably large amounts. Presence of quotations in the text of a research demonstrates a degree of scientific development of the issue and identifies the leading authors of the issue in question. The acuteness of the problem in the 21 of information, which enables unreasonably extensive text borrowings. Implementation and operation of informational systems that allow identifying borrowings degree and most popular research may, in case of an incorrect analysis, constitute an obstacle to the employment of a sufficient for a specific qualification paper or scientific research amount of quotations.

Keywords: scientific citation; copyright protection; plagiarism; ethical standards

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-78-83

УДК 347. 214.23

Т. Ю. Машкова

**Современная дальневосточная земельная политика:
симбиоз традиционных и инновационных правовых инструментов**

Аннотация:

Статья посвящена российской земельной политике, связанной с принятием в 2016 г. специального закона «о дальневосточном гектаре». До середины XXI века предстоит решать поставленные амбициозные задачи. Статьи закона изменили не только традиционные положения земельного законодательства, но и отдельные нормы природоресурсного и градостроительного законодательства.

Ключевые слова: новая земельная политика, правовое регулирование дальневосточных земель, «дальневосточный гектар», безвозмездное предоставление земель

Об авторе: Машкова Татьяна Юрьевна, Московский государственный университет геодезии и картографии, заместитель декана Гуманитарного факультета, старший преподаватель кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости; эл. почта: t_mashkova@miigaik.ru

Современная переселенческая политика РФ связана с потребностью государства в привлечении граждан из густонаселенного российского центра для освоения удаленных от него сибирских и дальневосточных регионов. В первую очередь, это желание властей закрепить на постоянном месте жительства в этих местах сотни тысяч граждан страны. Не менее значимыми являются геополитические интересы России, которые всегда являлись доминирующей причиной дальневосточной земельной политики – и в конце XIX века, и в начале XX столетия, и в современных условиях.

Что же давала России земельная реформа прошлых лет и какие геополитические, социальные и эколого-правовые вызовы сопровождают современную дальневосточную земельно-переселенческую реформу? Все земельные реформы в дальневосточном мегарегионе имеют определенные отличия не столько по целям, сколько по путям и механизмам решения. Время показало, что «столыпинская» аграрная реформа оказалась

весьма полезной мерой развития отдаленных российских территорий, которая существенно поправила тогда демографическую ситуацию на дальневосточных землях.

В современных условиях многолетняя программа переселения жителей нашей страны в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока связана с необходимостью привлечения граждан из густонаселенных российских регионов к освоению удаленных территорий Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). Три года действия специального федерального законодательного акта [10] (далее – закон «о дальневосточном гектаре», ФЗ № 119), к сожалению, пока не стали эффективной правовой государственной мерой, о чем свидетельствует следующий показатель: на ноябрь 2019 г. только чуть более 73 тысяч граждан зарегистрировали свои права на истребованные дальневосточные земельные участки, а заявили права на безвозмездное закрепление участков около 180 тысяч человек [9]. Т.В. Злотникова отмечает, что «низкий процент удовлетворенных заявок указывает на недостаточную проработанность правовых механизмов закона о «дальневосточном гектаре», на громоздкость и противоречивость его норм, на трудноразрешимые в отдельных случаях сложности его правоприменения» [2, с. 732-739].

Невысокие показатели удовлетворенных заявок указывают на то, что пока не удалось выстроить систему быстрых и понятных механизмов дальневосточной земельной политики, а ее правоприменение не в полной мере оправдывает ожидания массового переселения граждан из европейской части страны. Так, ожидаемые прогнозные оценки только за первый год действия программы были на уровне 300 тысяч человек.

«Переселенческий» ресурс дальневосточных территорий очень высок. По данным Общественной палаты РФ, свободных дальневосточных земель сельскохозяйственного назначения хватит для безвозмездной раздачи более чем двум миллионам потенциальных переселенцев [7]. А дальневосточных земель из состава Лесного фонда по этим же данным хватит еще на гипотетическое переселение более чем 30 млн. человек, хотя вся многолетняя государственная программа переселения российских граждан призвана достичь более скромных показателей. Это допущение весьма условное, так как государство не намеревается отдавать в таких размерах ценнейшие с экологической точки зрения земли, покрытые лесом, под заселение и эксплуатацию переселенцами.

Закон «о дальневосточном гектаре» существенно изменил некоторые традиционные положения земельного законодательства и ряд общепринятых норм градостроительного и лесного законодательства. Специальным законом ФЗ №119 любой гражданин РФ наделен правом получения в безвозмездное пользование участка земли до 1-го гектара,

находящегося в собственности у государства (на федеральном уровне или на уровне субъекта) или у органов местного самоуправления. В течение первого года обладателям полученных по программе «дальневосточного гектара» участков земли необходимо определиться с видом использования участка, через три года - задекларировать ход освоения. К завершению пятилетнего срока успешного освоения гражданин может, в зависимости от правового статуса земель, либо безвозмездно получить участок в частную собственность (в случае получения гектара земли из состава земель сельскохозяйственного назначения), либо в длительную аренду сроком на 49 лет (в случае предоставления земель Лесного фонда РФ). В ФЗ № 119 дополнительно включены правовые механизмы, защищающие любые земельные участки, покрытые лесом: в частности, обладателям таких лесных участков запрещено использование сплошной рубки леса на них.

Цели, на которые могут быть предоставлены запрашиваемые земельные участки, весьма разнообразны: от градостроительных (строительство индивидуального жилья, дач и пр.), сельскохозяйственных (личное подсобное хозяйство, садоводство, огородничество, животноводческое хозяйство, фермерство и т.п.) до предпринимательских (заготовка древесины, производство строительных материалов, сбор и заготовка дикоросов, реализации туристических и рекреационных проектов и др.).

На начальном этапе правом выделения земли могли воспользоваться только жители 9 дальневосточных субъектов РФ. А затем, с мая 2017 г., право закрепления «дальневосточного гектара» распространилось на любого гражданина России. Затем соответствующими изменениями в ФЗ № 119 к числу претендентов на дальневосточные земли были дополнительно отнесены участники Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом [12].

Для удобства потенциальных обладателей дальневосточных гектаров и достижения большей информационной доступности п.3 ст.3 упомянутого ФЗ №119 предусмотрено создание специального информационного ресурса - ФИС. Размеры и объем необходимой информации, порядок ее предоставления ресурсом разработан Министерством РФ по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития РФ). Оформление «дальневосточного гектара» проводится с помощью ФИС бесплатно и в максимально короткий период времени за счет онлайн-заявки на получение дальневосточной земли. Однако, несмотря на размещение ФИС на официальном сайте Росреестра, данные в ФИС не в полной мере соответствуют показателям по земельным участкам из Единого государственного реестра

недвижимости (ЕГРН). Такая нестыковка приводит к затягиванию стартового периода времени для регистрации заявок потенциальных обладателей «дальневосточного гектара», не редки по этим причинам и судебные споры. Негативные последствия отсутствия оперативного обмена данными по участкам дальневосточной земли, пригодным для выделения в рамках программы переселения между ЕГРН и ФИС, отметила Е.А. Галиновская и др. [1, с. 26]. Анализ фактов по нарушениям прав землепользователей и правообладателей земельных участков, отдельных норм земельного законодательства на практике в ряде дальневосточных субъектов России и их причины более подробно раскрыты автором в других работах [3, с. 331-335; 4, с. 265-272].

Важной инновационной земельноправовой нормой стала, в частности, статья 7 закона «о дальневосточном гектаре», в которой первоначально было предусмотрено 25 поводов или оснований отказа в предоставлении испрашиваемого земельного участка. Законодательные основания такого отказа опираются не только на конкретные экологические императивы природоохранного законодательства, но и на наиболее значимые ограничения природоресурсного, историко-культурологического и социально-экономического характера [3, с. 331-335; 4, с. 265-272]. Из анализа причин отказа в предоставлении земель следует, что закон выстроил надежный правовой барьер не только территориям, обладающим особой природной ценностью (особо охраняемые природные территории, леса, недра и пр.), не только защитил важные в социально-экономическом развитии территории, но надежно защищает интересы коренных малочисленных народов и их традиционные виды природопользования (табунное коневодство, оленеводство и пр.).

После соответствующего Указа Президента РФ, которым в ноябре 2018 г. из состава Сибирского Федерального Округа исключены и включены в состав ДФО 2 субъекта РФ (Республика Бурятия и Забайкальский край) [8], в указанную норму ст. 7 ФЗ №119, включено дополнительное основание отказа предоставления испрашиваемого земельного участка. Эта норма синхронизована с положениями ст. 6 ФЗ «Об охране озера Байкал» в части ограничения хозяйственной деятельности на Байкальской природной территории, особенно в ее центральной экологической зоне [11]. Таким образом, с 1 августа 2019 г. дальневосточная программа распространила свое действие на территории Забайкальского края и Республики Бурятия. Алгоритм введения закона в действие в новых дальневосточных субъектах аналогичен ранее принятому порядку: на начальном этапе действия программы «дальневосточного гектара» земельные участки доступны только местным жителям «домашнего» региона, а уже с 1 февраля 2020 г. земельные участки

новых дальневосточных регионов станут доступны всем жителям ДФО. Для остальных россиян и соотечественников из-за рубежа территории 2-х новых дальневосточных субъектов станут доступны с 1 августа 2020 г.

В сентябре 2019 г. на Восточном Экономическом Форуме Президентом РФ Владимиром Путиным была анонсирована беспрецедентная сверх льготная ипотека на покупку жилья со ставкой 2% годовых, которая будет предоставляться на территории ДФО молодым семьям сроком на пять лет. Такая специальная ипотечная программа с целью привлечения в дальневосточные регионы на постоянное место жительства высококвалифицированных специалистов возможна только при ее государственном субсидировании [6]. Весьма перспективна и привлекательна для переселенцев инициатива Главы государства об увеличении вдвое зарплаты в ДФО по программам «земский доктор» и «сельский учитель» [5].

Таким образом, современная земельная политика государства по освоению дальневосточных территорий, как и предыдущая, «стольпинская», прошедшая в России в начале XX столетия, поставила амбициозные цели и задачи, которые предстоит выполнять в течение ближайшего двадцатилетия. И, несмотря на трудности, вполне естественные при таком масштабном реформировании традиционных правовых норм, можно быть уверенными, что комплекс правовых, организационных, экономических, социальных и природоохранных мер, предусмотренных не только федеральным, но и региональным законодательством, позволит успешно реализовать цели и задачи новой российской дальневосточной земельной политики.

Библиографический список:

1. Галиновская и др. Комментарий к Федеральному закону о предоставлении гражданам земельных участков на территории Дальневосточного федерального округа. М., ИНФРА-М, 2017. С. 26.
2. Злотникова Т.В. Проблемы и перспективы новой земельной политики на дальневосточных территориях // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: Экономика и право. 2018. Выпуск 5. Т. 28. С. 732-739.
3. Машкова Т.Ю. Особенности правоприменения закона «о дальневосточном гектаре» и ответственность за его нарушение // Конституционно-правовые основы ответственности в сфере экологии: сб. материалов межд. научно-практических конференций «Конституционные основы правового регулирования экологических отношений: от идей к реализации (к 25-летию Конституции Российской Федерации) и «Соотношение видов юридической ответственности в экологической сфере» / Отв. ред. С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев, Н.В. Кичигин. М.: МИИГАиК, 2019. С. 331-335.

4. Машкова Т.Ю. Правовые и экономические инструменты современной дальневосточной земельной политики // Управление земельными и иными природными: проблемы правового регулирования и судебной практики: сб. статей участников межд. научно-практической конференции / Отв. ред. З.Ф. Сафин, З.К. Кондратенко, Е.В. Лунева. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. С. 265-272.
5. Новости Хабаровск News.ru 6 сентября 2019 г. «Об увеличении вдвое зарплаты в ДФО по программам «земский доктор» и «сельский учитель».
6. Путин объявил об ипотеке под 2% на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/05/12628099.shtml> (дата обращения 10.10.2019).
7. Рабочие тезисы Общественной Палаты РФ к общественной экспертизе проекта федерального закона... 08 апреля, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oprf.ru/1449/2133/1537/2192/newsitem/33499> (дата обращения: 13.10.2019).
8. Указ Президента РФ № 632 от 03.11.2018г «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».
9. Федеральная информационная система (ФИС) «НаДальнийВосток.РФ».
10. ФЗ от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
11. ФЗ от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал».
12. ФЗ от 27.12.2018 № 503-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Mashkova T.Y. Modern far Eastern land policy: symbiosis of traditional and new legal instruments

The article is devoted to the new Russian land policy associated with the adoption of a special law On the Far Eastern hectare in 2016. The provisions of the law have changed not only the traditional provisions of the land legislation, but also certain norms of natural resources and urban planning legislation.

Keywords: modern land policy, legal regulation of the Far Eastern lands, «Far Eastern hectare», gratuitous provision of land

Страницы истории государства и права

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-84-93

УДК 343.35

А. И. Глушков, А. М. Рябиков

Особенности становления и функционирования таможенной службы в Московском государстве во второй половине XVI в. – XVII в.

Аннотация:

Статья посвящена анализу процесса становления и функционирования таможенной службы в Московском государстве во второй половине XVI в. – XVII в. Выделены особенности формирования таможенной службы как самостоятельного государственного органа, представлены результаты изучения нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность таможенных учреждений и оказавших существенное влияние на их развитие и функционирование в качестве правоохранительного органа.

Ключевые слова: таможенная служба, таможенные органы, приказная реформа, таможенная изба, таможенные грамоты, должностные лица

Об авторах: Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», заведующий кафедрой уголовного процесса факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: profglushkov@mail.ru

Рябиков Артем Михайлович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: ryabikov.artiom@mail.ru

Таможенная служба — активный субъект правоохранительной деятельности РФ — ведет свою историю с конца X века. В историко-правовых памятниках сохранились первые упоминания о торговых пошлинах, которыми были обложены в древнерусском государстве предметы торговли на пути их перемещения от производителя к потребителю.

В целях обеспечения валютного контроля, защиты прав на объекты

интеллектуальной собственности, международного транспортного и санитарного надзора, сотрудники таможи правомочны исполнять функции представителя власти, они наделены достаточно широкими полномочиями организационно-распорядительного и административно-хозяйственного характера. Законодателем предусмотрены различные средства и механизмы пресечения злоупотреблений со стороны таможенных органов. Возникающие проблемы и вопросы, требующие оперативного разрешения, постоянно находятся в поле зрения руководства страны, профильных министерств, представителей бизнеса и общественности [14, с. 136-142; 15, с. 290-295]. Практика применения норм уголовного закона, устанавливающих ответственность должностных лиц таможенных органов деяний, всегда привлекала внимание ученых и юристов [9, с. 61-69].

Становление и развитие таможенной службы в Московском государстве в XVI-XVII вв. позволяет выявить и исследовать предпосылки и причины возникновения факторов, способствующих злоупотреблению и превышению властных полномочий. Верно отметил В.О. Ключевский: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться; механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, а ломаются по чьему-то детскому капризу» [4, с. 331].

Становление централизованного Московского государства в XVI в. сопровождалось институциональным оформлением таможенной системы, которая стала составной частью действовавшего государственного механизма.

Кардинальные преобразования произошли в период царствования Ивана IV во второй половине XVI в. Тогда были проведены две реформы, затронувшие сферу государственного управления: приказная – на уровне центрального управления и земская – на местном.

Реализация приказной реформы Ивана IV основывалась на общегосударственной практике управления. Многие приказы совмещали административные, судебные и финансовые функции. Кроме того, их деятельность не регламентировалась конкретными нормативными правовыми актами.

Особенность российского механизма государственного управления этого периода – одновременное применение ведомственного и территориального принципов иерархического построения приказной системы. Так, функционировали отраслевые (ведомственные) государственные приказы, подчинявшиеся вышестоящим органам государственного управления (приказам) с учетом существовавшей вертикали власти по

тому или иному направлению деятельности (Приказ Большого прихода, Стрелецкий приказ и др.).

В механизм государственного управления входили территориальные приказы (например, Казанский и Малороссийский приказы), которые свою деятельность осуществляли на определенной ограниченной территории (регионе, местности). Компетенция территориальных приказов включала все вопросы управления в уездах, а одним из таких направлений деятельности выступала организация таможенной службы.

Разрешение вопросов сбора таможенных доходов входило в компетенцию отраслевого приказа Большого прихода (центрального органа отраслевого управления) и территориальных приказов, деятельность уездных таможенных изб, отвечавших за обеспечение сбора пошлин на местах, координировалась несколькими государственными структурами. Уездные таможни находились в подчинении девяти различных приказов, в том числе ведавших вопросами их комплектования, контроля делопроизводства, проверки отчетной документации, расходования таможенных сборов.

До таможенной реформы государя Алексея Михайловича Романова (1653-1667 гг.) каждой из местностей были присущи свои характерные особенности механизма таможенно-пошлинного обложения. Во второй половине XVI в. объединение и централизация территориального управления таможенными органами было произведено не в полном объеме, что обусловило возникновение существенных различий в деятельности таможен разных территориальных образований.

В период формирования централизованного Московского государства в общей системе приказов особое положение было отведено приказу Большого прихода (1555-1680 гг.). Он был сформирован на базе ведомства дьяка Ю. Сидорова как «Большой приход» с целью сбора ямских, лавочных и питейных средств. Позднее на приказ замкнули всю систему налогообложения Центральной части России, а с 1559 по 1680 гг. он обеспечивал контроль за осуществлением сбора таможенных платежей в Московских таможнях, которые были крупнейшими на тот период времени [5, с. 382-383].

Последующая централизация государственной системы выявила и наглядно показала серьезные проблемы функционирования приказной системы, а именно: неурегулированность компетенций и сфер ответственности конкретных должностных лиц в ряде случаев приводило к дублированию выполняемых функций, неопределенность управленческих действий вследствие отсутствия инструктивных предписаний; одновременно применялись ведомственный вертикальный и территориальный принципы

управления; помимо государственных приказов функционировали приказы дворцовые и патриаршие, о направленности деятельности которых можно понять по их названию; необеспеченность достойным денежным содержанием (жалованием) ряда категорий служащих приказов способствовала использованию и злоупотреблению должностным положением в целях получения средств к существованию; отсутствие правильного и эффективного механизма координирования и контроля деятельности приказов создавало атмосферу произвола со стороны должностных лиц [2, с. 223-225].

Тем не менее, организация государственного управления Московского государства для своего времени была достаточно развитая и действенная. Схожую оценку высказал С.Б. Веселовский «успехи, которых достигло российское государство в XVI–XVII вв., очень значительны, нет никаких оснований говорить, что они были достигнуты, несмотря на приказную систему, а не при помощи ее» [3, с. 3-5].

Впервые вопрос о централизации всей российской таможенной системы был поднят в период правления Алексея Михайловича Романова (1653-1667 гг.) при осуществлении таможенной реформы, направленной на унификацию (единообразие) таможенного обложения. Однако реализация намерения состоялась лишь в 1680 г., когда государем Федором Алексеевичем Романовым был издан указ об объединении всех таможенных и кабацких сборов под началом Приказа Большой казны [7, с. 265-266]. Был учрежден единый централизованный государственный орган, возглавивший и курировавший всю российскую таможенную систему в финансовом и экономическом отношении.

Существенную роль в становлении и организации деятельности российской таможенной службы сыграла земская реформа, состоявшаяся одновременно с приказной реформой. В ходе ее осуществления были ликвидированы суверенные феодальные владения и образованы новые административно-территориальные единицы управления – уезды. В целях обеспечения руководства вновь созданными структурами вводились органы уездной администрации – избы (земская, губная, таможенная). Каждой из них были определены сферы деятельности и пределы ответственности, внутренняя структура и нормативная база. Таможенные избы вошли в систему органов местной власти в качестве органа финансового управления, ответственного за сбор большинства косвенных налогов на уровне уезда [1, с. 43-48].

Интересен порядок формирования кадрового состава таможенной службы и обеспечения гарантии добросовестного исполнения должностными лицами своих функциональных обязанностей. В решении этих вопросов ключевая роль отводилась

средствам религиозного воздействия, важнейшим из которых было крестоцелование (отсюда и пошло наименование должности «целовальник»). Принесение присяги вновь принятыми сотрудниками таможенной службы теперь сопровождалось церковным обрядом целования креста.

Во избежание «конфликта интересов» таможенникам по отношению к собранным финансовым средствам предписывалось «не корыстоваться, на свои расходы и на торговлю государевых денег себе не иметь и никому не давать, лишних денег не собирать» [13, с. 186]. Кроме того, в обязательном порядке на период несения службы они должны были отказаться от ведения собственных коммерческих дел: «за своими промыслы и за торгом не ходить, а быть беспрестанно у таможенного и кабацкого сбора» [6, с. 89-91]. Установлением указанных запретов и ограничений законодателем преследовалась, в том числе, цель исключения обстоятельств, способствующих коррупционному поведению должностных лиц таможенной службы и совершению преступлений соответствующей категории.

Значительную часть целовальников уездных городов набирали из числа местного купечества и посадского населения, целовальников на торгах - из числа черносошного крестьянства. Таможенные головы, руководившие таможей в течение одного года, назначались из числа иногороднего купечества, а со второй половины XVII в. – из числа местных купцов [12, с. 341-344].

Таможенники не только осуществляли свои должностные обязанности на безвозмездной основе, но и несли персональную материальную ответственность за качество и полноту сбора пошлин. В тех случаях, когда они не обеспечивали требуемых сборов, в отношении провинившихся применялась болезненная процедура «правежа»: нерадивого сотрудника ежедневно в течение одного месяца били тростью по икрам ног.

Во избежание таких мер в практику вошло негласное завышение таможенных платежей и таким образом формирование излишков денежных средств для восполнения собранных пошлин до требуемой суммы. В этой связи можно заключить, что своей достаточно жесткой репрессивной политикой, в том числе в вопросах обеспечения сбора таможенных пошлин фактически само государство (законодатель) подталкивало должностных лиц таможенной службы к превышению своих функциональных полномочий и к злоупотреблению ими.

Царские грамоты XVII в. свидетельствуют о высокой степени вероятности быть подвергнутым серьезным репрессиям за ненадлежащее выполнение должностных обязанностей: «А головам и целовальникам за их воровство быть в смертной казни без

всякой пощады, а кто таких воров к тому делу выберут, тем выборным людям учинено будет наказание по розысканию» [13, с. 192].

Становление таможенной службы в Московском государстве во второй половине XVI в. – XVII в. сопровождалось проблемами взаимодействия таможенных изб с органами центральной власти. В юридической печати представлено множество мнений ученых относительно соотношения компетенций местного воеводского и таможенного управления в Российском государстве на уровне уезда в XVII в. Так, Л.А. Тимошина придерживается точки зрения, согласно которой в наказах воеводам предписывалось только содействовать таможням в сборе пошлин, но при этом не осуществлять контроль за их деятельностью. Автор отметила, что вся ответственность за своевременный приток таможенных и кабацких средств в государственную казну лежала лишь на таможенных головах и целовальниках, а все санкции (равно как поощрения, так и наказания за недоборы) входили в компетенцию центрального приказа [10, с. 255-258].

Многообразие оценок характера взаимоотношений таможен с органами воеводского и приказного управления, как мы полагаем, в значительной степени обусловлено отсутствием единого подхода к организации территориального управления на всей территории Московского государства. В частности, территориальные (областные) приказы в рамках выполнения общегосударственных функций самостоятельно определяли свою концепцию взаимодействия с таможенными службами, размещенными на находящихся под их юрисдикцией землях. При этом в расчет принимались различные обстоятельства: социальный состав местного населения, географическое положение отдельных территорий, подчиненность таможенных служб тому или иному органу центрального управления.

Можно заключить, что становление и развитие таможенной службы Российского государства осуществлялось одновременно с процессом образования централизованного государственного механизма и формированием системы уездного административно-территориального управления. Важнейшую роль в организационном устройстве таможенной системы сыграли проводимые Иваном IV реформы центрального и местного управления. В частности, благодаря им был заложен фундамент последующей централизации таможенной системы, началось формирование единой таможенной инфраструктуры, в основании которой (на уровне уезда) размещалась таможенная изба - бюрократически сформированный государственный орган, занимавший определенное положение в системе центрального и местного управления.

В правовой регламентации осуществления таможенной службы на местах на

начальном этапе истории централизованного Московского государства ведущую роль исполняли уставные таможенные грамоты, о которых первые упоминания относятся к эпохе правления Ивана III. Они использовались для урегулирования и регламентации местной практики и специфики взимания различных торговых сборов, видов и размеров пошлин, таможенного обслуживания порядка функционирования гостиного двора для купцов, условий транзитного проезда.

Еще одним источником, характеризующим деятельность таможенной службы Московского государства, являются таможенные книги XVII в., которые содержат информацию относительно способов управления отдельных приказов, характере взаимодействия центральных и местных органов таможенной системы, о процессе централизации всей таможенной службы, в том числе посредством постепенной унификации нормативно-правовой базы, регламентирующей ее деятельность.

Вместе с тем необходимо отметить, что указанные нормативные правовые акты далеко не в полной мере регламентировали круг общественных взаимоотношений, возникающих в сфере таможенной деятельности. Уставные таможенные грамоты либо совсем не регулировали, либо регулировали крайне поверхностно вопросы, затрагивающие и определяющие внутреннюю организацию таможенных учреждений, компетенции должностных лиц таможен, права и обязанности участников торговых отношений, определения пределов юридической ответственности за допущенные нарушения правил со стороны купцов и за злоупотребления таможенников. Зачастую все эти вопросы разрешались по сложившимся на различных территориях (местностях) обычаям и, естественно, не отличались однообразием.

В целях устранения трудностей и упорядочения нормативной правовой базы в период правления государя Алексея Михайловича Романова (1653-1667 гг.) была проведена таможенная реформа. Ее реализация не предполагала организационной реконструкции всей таможенной системы: структурная организация таможенных учреждений сохранились без изменений. В то же время реформа оказала существенное воздействие на содержательную часть деятельности таможен и всей таможенной службы в целом.

Основное содержание реформы государя Алексея Михайловича заключалось в замене уставных таможенных грамот отдельных торгов на всероссийские уставные таможенные грамоты, сфера применения которых распространялась на все централизованное Московское государство. Принятие всероссийских таможенных грамот следует рассматривать в качестве важной вехи и поворотного пункта в истории

отечественного таможенного дела. Поскольку в указанных нормативных правовых актах были закреплены, в том числе стратегические подходы к формированию государственной таможенной политики, то имеются все основания их рассматривать в качестве фундамента для становления принципиально новой нормативной правовой базы таможенной деятельности.

В ходе реформы государя Алексея Михайловича впервые была создана система актов таможенного законодательства как иерархическая совокупность нормативных правовых актов, принятых органами власти различных уровней. В этот же период времени значительное развитие получило подзаконное нормотворчество: ведомственные правовые акты конкретизировали и развивали сущность нормативных предписаний, содержащихся в вышестоящих по степени юридической силы актах. Всероссийские уставные таможенные грамоты и уставы, являясь актами учредительного характера, составили основу системы таможенного законодательства. Они принимались царем совместно с боярской думой и вступали в действие после опубликования соответствующего «именного указа с боярским приговором».

Таможенная реформа второй половины XVII в. явилась одним из главных событий в сфере российской экономики, де-юре оформившим появление всероссийского рынка в границах централизованного государства. Она оказала существенное воздействие на последующее развитие российской таможенной службы, поскольку выработала общие аспекты ее функционирования. Ключевые мероприятия этой реформы, нашедшие свое юридическое закрепление, были отражены во всероссийских законодательных актах, что указывает на возрастание роли права (закона) в жизни общества, на окончательную победу законодательного регулирования общественных отношений над правовым обычаем.

1 октября 1683 г. в период царствования соправителей Петра и Ивана был издан именной указ «О подаче в приказ Большой казны списков с таможенных выписей как на привозимые в Москву, так и на отвозимые оттуда товары для проверки городских таможенных книг» [8, с. 561]. Царь, будучи главой государства, лично курировал таможенное дело и непосредственно принимал ключевые решения в данной сфере деятельности, что в свою очередь указывает на ее возросшую значимость в жизни государства. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что вопросы осуществления таможенных сборов и функционирования таможенной службы получили нормативную регламентацию гораздо раньше, чем многие иные вопросы и сферы жизнедеятельности в формирующемся централизованном государственном механизме России.

Во второй половине XVI в. – XVII в. в Московском государстве становление и функционирование таможенной службы перешло на качественно новый уровень своего развития: деятельность таможенных органов приобрела статус особого направления организации государственного управления в сфере финансов; компетенции и порядок функционирования таможенных учреждений стали регламентироваться нормативными правовыми актами, которые были обязательны для исполнения на всей территории централизованного государства; осуществление таможенных процедур и их оформление должно было соответствовать установленному законом порядку. Кроме того, проведенные в указанный период реформы сформировали основу, в том числе нормативно-правовую, для дальнейшего развития и совершенствования таможенной службы в последующие годы существования Российской Империи.

Библиографический список:

1. Блейх И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб.: Тип. Муллер и Богельман, 1895. 211 с.
2. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
3. Веселовский С.Б. Приказный строй управления Московского государства. Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1912. 35 с.
4. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Изд-во «Наука», 1968. С. 321-399.
5. Козлов О.Ф., Янковая В.Ф. Государственность России: государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века - февраль 1917 года): словарь-справочник: в 4 т. / Сост. О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая; Федеральная архивная служба России; Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела. М.: Наука, 2001. С. 382-383.
6. Крестоприводная запись для выборных таможенных голов и целовальников в Угличе в 161 (1653/1654) гг. // Акты Археографической экспедиции. Т. 4. № 59 (2). С. 89-91.
7. О заведовании боярину Милославскому и окольниковому Чирикову приказом Большой Казны, Московской таможенной, Мытной избой и городскими таможенными: Именной указ от 2 мая 1680 г. // ПСЗРИ. Т. II. № 824. С. 265-266.
8. О подаче в приказ Большой Казны списков с таможенных выписей как на привозимые в Москву, так и на отвозимые оттуда товары для поверки городских таможенных книг: Именной указ от 1 октября 1683 г. // ПСЗРИ. Т. II. № 1045. С. 561.
9. Рябиков А.М., Глушков А.И. К вопросу об особенностях субъективной стороны должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов РФ [Электронный ресурс] // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2018. №1. С. 61-69. Режим доступа: <http://vestnik.fsgn.uni-dubna.ru/issues/Ryabikov.pdf> (дата обращения: 17.11.2019).
10. Тимошина Л.А. Воеводское и таможенное управление в первой половине XVII в // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: сборник материалов Четвертой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30

сентября 2017 г.) / Ред.-сост. А.И. Раздорский; редкол. В.Н. Беляева (пред.) и др. Нижний Новгород, 2018. С. 255–258.

11. Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://customs.ru/press/federal/document/212919> (дата обращения: 17.11.2019).

12. Флоря Б.Н. Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV – начало XVII в.) // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 341-344.

13. Шемякин А.И. История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль: Изд-во «Александр Рутман», 2000. 254 с.

14. Lyons T. A Customs Union without Harmonized Sanctions: Time for Change? // Global Trade Cust. J. 2015. Vol. 10 (4). P. 136-142.

15. Willems A., Theodorakis N. Customs Sanctions Harmonization in Europe: Why the Commission Is Taking the Wrong Approach // Global Trade and Customs Journal. 2016. Vol. 11, № 7-8. P. 290-295.

Glushkov A.I., Ryabikov A.M. Features of formation and functioning of the customs service in the Moscow state in the second half of the XVI century. - XVII century.

The article analyzes the process of formation and functioning of the customs service in the Moscow state in the second half of the XVI century – XVII century. Based on the research the authors identified features of the formation of the customs service as an independent state.

Agency, and also presents the results of studying of normative legal acts regulating the activities of customs agencies and had a significant impact on their development and functioning as a law enforcement body.

Keywords: customs service, customs authorities, order reform, customs hut, customs certificates, officials

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-94-101

УДК 343.31

А. И. Суворов

**Антитеррористическая деятельность
Департамента полиции МВД России в 1880-1890 гг. XIX века**

Аннотация:

Статья раскрывает деятельность сотрудников полиции дореволюционной России, идеологические истоки и мотивацию народовольческого террора, меры правительства, направленные на обуздание и противодействие терроризму. Установлено, что борьба с народовольческим терроризмом была использована в начале XX века в противоборстве с еще более сильным и коварным врагом – террором эсеровским.

Ключевые слова: народовольческий терроризм, III Отделение, Департамент полиции, Особый отдел, Московское охранное отделение, государственная преступность, М. Лорис-Меликов, Г. Судейкин, С. Зубатов

Об авторе: Суворов Алексей Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: cuvor@rambler.ru

Одной из существенных особенностей общественно-политической жизни России второй половины XIX и начала XX столетия явился широко распространившийся политический терроризм. С его помощью оппозиционные, экстремистские силы стремились дестабилизировать внутривнутриполитическую жизнь страны, революционизировать народные массы, изменить существующий строй или добиться существенных уступок от правительства.

Достигнув широкого размаха в 70-е – начале 80-х гг. XIX века, политический терроризм в России приобрел массовый, угрожающий характер в первом десятилетии XX века. Он обострил политическую обстановку, нанес серьезный ущерб кадрам государственной службы и в известной мере способствовал втягиванию страны в пучину анархии и кровопролития 1905-1907 гг.

В борьбе с нарастающей опасностью правительство искало пути сдерживания террора, укрепляло и развивало систему правоохранительных органов, совершенствовало следственно-розыскную и судебную деятельность, ужесточало карательную политику [11]. До конца 70-х гг. функции высшей полиции, осуществлявшей борьбу с наиболее опасными государственными преступлениями, в том числе и терроризмом, выполняло III Отделение его Императорского Величества Канцелярии. Опираясь на Корпус жандармов, оно успешно справлялось с раскрытием и предупреждением преступлений против государственного строя, императора и его окружения, делая основной акцент на предупреждение политической преступности. Располагая сравнительно небольшим штатом работников – к 1850 г. около 6 тысяч человек [1] – эти службы полностью контролировали политическую обстановку в стране в 40-х – 60-х гг., выявляли и пресекали в зародыше опасные экстремистские замыслы и действия.

Обстановка в стране в корне изменилась со второй половины 70-х гг., когда народники-землеольцы, а потом, особенно, народовольцы полностью приступили к широкому использованию террористических методов политической борьбы, осуществив ряд покушений на крупных государственных деятелей и, развернув подлинную охоту на императора Александра II. Объектами и жертвами террора стали многие деятели правоохранительных органов, в том числе Главноуправляющий III Отделением и шеф Корпуса жандармов Н.В. Мезенцов, его преемник А.Р. Дрентельн, ряд губернаторов, начальников жандармских управлений, прокуроров и т.д. Только счастливая случайность спасала от гибели императора во время покушения в апреле 1879 г. А. Соловьева и подрыва террористами царского поезда под Москвой в ноябре 1879 г., в результате грандиозного взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г.

Все это говорило не столько о силе террористов, сколько о выявившейся слабости правоохранительной деятельности. Основанная на жесткой централизации, слабо связанная с местными административными органами система высшей полиции оказалась не в состоянии вести успешную борьбу в новых условиях с хорошо организованными и тщательно законспирированными террористическими группами и сообществами. Правительство приступило к ее крупному реформированию.

Решительным шагом в этом направлении явилось упразднение в августе 1880 г. III Отделения с передачей всех охранительных функций вместе с Корпусом жандармов Министерству внутренних дел, которое возглавил граф М.Т. Лорис-Меликов. Все руководство политическим сыском, в том числе и касающееся борьбы с терроризмом, было

сосредоточено в Департаменте государственной полиции МВД, просуществовавшем с некоторыми реорганизациями до 1917 г.

Департамент полиции направлял деятельность местных сыскных служб, координировал их деятельность с жандармскими подразделениями. Сюда поступала вся информация, касающаяся политической обстановки в стране, деятельности различных подпольных организаций и групп. В составе Департамента полиции было несколько делопроизводств. Одним из важнейших было 3-е делопроизводство (секретное), которое, осуществляя общее руководство политическим сыском, непосредственно направляло всю антитеррористическую деятельность. Оно организовывало охрану императора и высокопоставленных государственных деятелей, ведало наружным и внутренним наблюдением на территории империи, осуществляло руководство заграничной агентурой. В дальнейшем это делопроизводство было преобразовано в Особый отдел Департамента, ставший подлинным штабом политического сыска в империи.

Специальное делопроизводство Департамента полиции осуществляло надзор за ходом политических дознаний в губернских жандармских управлениях. В связи с широким использованием террористами взрывных устройств в 1894 г. в составе Департамента полиции было создано особое 6-е делопроизводство для наблюдения за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ.

К руководству Департаментом полиции и его подразделений выдвигались наиболее опытные специалисты правоохранительных органов, хорошо зарекомендовавшие себя в жандармско-сыскной, судебно-следственной деятельности. Наибольшую известность среди директоров Департамента полиции получили В.К. Плеве, П.Н. Дурново, Н.И. Сабуров, С.Э. Зволянский, М.И. Трусевич, С.П. Белецкий. Общее руководство Департаментом полиции со стороны Министерства внутренних дел осуществлял один из товарищей Министра, одновременно являющийся и командиром Корпуса жандармов.

На местах розыскной деятельностью по политическим преступлениям наряду с жандармскими управлениями стали активно заниматься под эгидой Департамента полиции новые полицейские формирования – розыскные отделения при Санкт-Петербургском градоначальнике, Московском обер-полицмейстере и Варшавском генерал-губернаторе. Местные сыскные органы были не только расширены численно, но и значительно улучшены в качественном отношении.

Проведенная перестройка правоохранительной системы внесла в нее необходимую гибкость и оперативность, способствовала более тесному взаимодействию общей полиции

и жандармерии, открывала больше простора для проявления инициативы и творчества работниками сыскных органов различного ранга. Все это не замедлило сказаться на результатах антитеррористической деятельности. Особо чувствительные удары были нанесены по главной террористической организации партии «Народная воля». В ноябре 1880 г. был арестован признанный ее лидер Александр Михайлов, а через три месяца – его преемник Андрей Желябов.

Перестройка охранительных органов, ее первые ощутимые результаты, к сожалению, не привели к предотвращению такого тяжкого государственного преступления, как убийство императора Александра II. Корни этого преступления надо искать в просчетах и упущениях предыдущих охранительных органов, проявивших беспечность и некоторый либерализм в отношении отъявленных государственных преступников. По мнению жандармского генерала А.И. Спиридовича «охрана государя была поставлена преступно небрежно» [9, с. 30].

Цареубийцы и их сообщники быстро были выловлены и понесли суровое наказание. Однако правительство сделало из трагических событий 1 марта соответствующие выводы о необходимости дальнейшего укрепления полицейско-сыскных служб и, особенно об усилении охраны императора и крупных государственных деятелей. Тем более что в Департамент полиции стали поступать многочисленные донесения о готовящихся покушениях на нового императора Александра III [5].

Произошла замена высших руководителей правоохранительных органов: М.Т. Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел сменил граф Н.А. Игнатьев. Директором Департамента полиции был назначен действительный тайный советник В.К. фон Плеве, - сторонник ужесточения преследования террористов. Были заменены некоторые начальники жандармских управлений и розыскных отделений.

Усилению сыскных и карательных функций государственных органов способствовало изданное 14 августа 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». В нем расширились права и функции местных административных органов в пресечении государственных преступлений.

В 80-е гг. произошло заметное наращивание численности личного состава Корпуса жандармов и губернских жандармских управлений. Значительно возросла требовательность к отбору работников в эти службы. Так, Корпус жандармов в основном комплектовался из армейских офицеров, окончивших военное или юнкерское училище по

первому разряду и имевших хорошую военную подготовку, прослуживших не менее шести лет и безукоризненных в нравственном отношении [9, с. 35]. Такой же тщательный отбор работников был и в отделениях по охране общественного порядка и спокойствия.

Новые полицейские формирования – розыскные отделения, созданные в порядке эксперимента в столичных городах и Варшаве, проявляли себя в руках Департамента полиции как действенные инструменты в борьбе с самыми опасными видами государственной преступности. Это наглядно продемонстрировало Петербургское отделение, когда его в 1881 г. возглавил полковник Г.П. Судейкин. В 1882 г. Судейкин был одновременно назначен инспектором секретной полиции империи, возглавив весь политический розыск в стране.

Особенно крупным успехом Судейкина стала вербовка активного народовольца, бывшего штабс-капитана Сергея Дегаева, с помощью которого он намеревался полностью покончить с «Народной волей». С помощью Дегаева были раскрыты динамитная мастерская «Народной воли» в Петербурге и ее подпольная типография в Одессе, проведены аресты народовольцев в 60 городах России [3]. Как члену военной организации «Народной воли», Дегаеву не представляло труда раскрыть ее руководящую верхушку. К 1884 г. с военной организацией «Народной воли» было полностью покончено.

В конце своей преступной деятельности уцелевшие боевики «Народной воли» сумели расправиться с Г.П. Судейкиным, с именем которого вполне обоснованно связывали свой трагический финал. Он был зверски убит в декабре 1883 г. Это была серьезная утрата для сыскных органов. Государственный секретарь А.А. Половцов писал в дневнике: «Судейкин был выдающаяся из общего уровня личность, он нес жандармскую службу не по обязанности, а по убеждению, по охоте.» [8]. Александр III называл Судейкина «лучшим сыщиком империи».

По итогам сыскной и дознавательной деятельности в 80-х гг. было проведено 17 народовольческих судебных процессов, на которых было вынесено 74 смертных приговора [7]. Это, по сути, означало полный разгром основной террористической организации России.

Однако разгром партии «Народная воля» не означал конца народовольческого террора: в 80-е и частично в 90-е гг. действовали, возрождались и создавались вновь в различных районах страны террористические группы и кружки, считавшие себя последователями «первомартовцев».

За 1882 – 1883 гг. по стране было раскрыто 78 народовольческих кружков [12]. Ввиду сохраняющейся угрозы терактов против императора Александра III его коронация

была отложена на два года – случай беспрецедентный в истории России. Она состоялась лишь в мае 1883 г. Департамент полиции разработал в связи с этим обширную программу охранительных мер [4].

Обоснованность принимаемых чрезвычайных мер по охране императора подтвердилось, когда в 1887 г. в Петербурге была раскрыта и обезврежена опасная террористическая группа П. Шевырева – А. Ульянова, готовившая цареубийство. А в 1890 г. к этому же готовилась разоблаченная группа С. Гинсбург.

Все это говорило о том, что внутривнутриполитическая обстановка в стране и после ликвидации главной террористической организации не позволяла ослаблять борьбу с наиболее опасными видами государственной преступности и требовала дальнейшего укрепления соответствующих служб. В изданном в декабре 1883 г. «Положении об устройстве сыскной полиции в империи» Департамент полиции рекомендовал шире использовать в антитеррористической деятельности опыт столичных розыскных отделений, создавать их и в других регионах страны, добиваться их тесного взаимодействия с жандармскими управлениями.

Заслуживала особого внимания на рубеже веков эффективная розыскная деятельность Московского охранного отделения, руководимого талантливыми деятелями политического сыска Н.С. Бердяевым, А.С. Скандраковым и особенно С.В. Зубатовым, которого современники именовали «гением сыска». Вместе с другими видными деятелями политического розыска он стремился внедрять в эту систему высокий профессионализм, основанный на всестороннем учете менталитета российского общества, психологии людей преступного мира, глубоком понимании причин, целей и побудительных мотивов преступной деятельности. Зубатов ввел в систему сыска немало из зарубежного опыта, особое внимание он уделял работе с тайной агентурой. Жандармский генерал П.П. Заварзин писал о нем: «Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому» [6].

Благодаря энергичной деятельности Зубатова и Московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова Московское охранное отделение стало образцовым и нередко проводило розыскные операции общероссийского масштаба. Бывший начальник Особого отдела

Департамента полиции Л.А. Ратаев писал: «Москва в те времена считалась школой секретной агентуры и наружного наблюдения» [2].

При активном участии работников отделения были раскрыты группа террористов «Народное право» во главе с народовольцами М. Натансоном и Н. Тютчевым (1894 г.), группа И. Распутина, готовившая покушение на царя Николая II (1895 г.), арестованы руководители и разгромлена типография «Группы народовольцев» в Петербурге (1896 г.), выслежены группы народовольцев в Поволжье во главе с М.Н. Сабунаевым (1899 г.), арестована группа эсеров в Минске во главе с Г. Гершуни (1900 г.) За предотвращение покушения на царя Николая II Зубатов был удостоен ордена Святого Владимира.

В 1902 г. В.К. Плеве назначил Зубатова начальником Особого отдела Департамента полиции, подчинив ему все охранные отделения империи. Сюда перешли и некоторые сослуживцы Зубатова и опытные работники сыска: Меньщиков, Медников, Комиссаров, Гурович, Терещенков, Мец, Панкратьев. Таким образом, опыт московского сыска переносился в другие регионы страны.

Массовые аресты террористов на территории России привели к увеличению их эмиграции в европейские страны. Там оседали их центры, развертывалась издательская деятельность, закупались и изготовлялись оружие и взрывные устройства. Многие из видных российских политических эмигрантов (П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, В.Л. Бурцев и др.) вели за рубежом активную пропагандистскую компанию в защиту российского терроризма, стремясь при этом всячески извращать и дискредитировать деятельность правительства и спецслужб России по его сдерживанию и пресечению.

В 1881 г. Департамент полиции основал в Европе постоянную секретную агентуру с центрами в Париже и Женеве, а позднее в Берлине. Около 20 лет ею руководил генерал П.И. Рачковский, обращавший особое внимание на тщательный подбор тайной агентуры и установление тесных контактов с работниками зарубежной прессы.

Обследовавший по заданию министерства внутренних дел деятельность заграничной агентуры директор Департамента полиции С.Э. Зволянский в своем донесении высоко оценил ее работу, отметив особо заслуги руководителя [11].

Накопленный в борьбе с народовольческим терроризмом опыт был использован в начале XX века в противоборстве с еще более сильным и коварным врагом – террором эсерским, подкрепленным революционным террором других политических партий и организаций.

Библиографический список:

1. Богучарский В.Я. Третье отделение // Вестник Европы. 1917. №3. С. 89.
2. Былое. 1917. №2. С. 195.
3. Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880-1910 гг.). М., 1996. С.13.
4. ГАРФ. Ф.102. Оп. 40. Д. 60. Л. 7-8.
5. ГАРФ. Ф.102. Оп. 77. Д. 7. Л. 41, 98; Д. 112, Л. 1-2, 21, 31-34, 45, 60.
6. Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж, 1924, С.69.
7. Никитина Г.Н. Народовольческие процессы. Вып. II. М., 1931. С. 126.
8. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 1966. Т.1. С. 157.
9. Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 263.
10. Суворов А.И. Конституционно-правовые основы антитеррористической борьбы в России (Исторический аспект). // Идеи конституционализма в отечественном законодательстве. Материалы Всероссийского студенческого форума. М., 2019. С. 141-148.
11. Суворов А.И. Опыт европейского сотрудничества в антитеррористической деятельности в XIX – начале XX века. // Международная защита прав человека и государственный суверенитет. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 43-50.
12. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895. М., 1979. С. 14.

Suvorov A.I. Anti-terrorist activities of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the years 1880-1890 of the XIX century

The article reveals the activities of police officers in pre-revolutionary Russia, the ideological origins and motivation of food terrorism, government measures aimed at curbing and countering terrorism.

Keywords: terrorism, III Branch, Police Department, Special Department, Moscow Security Department, state crime, M. Loris-Melikov, G. Sudeikin, S. Zubatov

DOI: 10.37005/2687-0231-2020-0-2-102-106

УДК 347.4

К. В. Серегин

**Сравнительно-правовой анализ регулирования виндикации
в Российской Империи и РСФСР**

Аннотация:

Историко-правовое исследование виндикации позволяет внести определенность в содержание этих правоотношений. Исследование способов защиты вещных прав имеет научное и практическое значение, поскольку отсутствие однозначных позиций создает проблемы практики применения законодательства и служит дестабилизации имущественных отношений. Статья охватывает временные рамки со второй половины XIX века по первую половину XX века. С 1922 г. началось формирование доктринального понятия и виндикации в качестве отдельного способа защиты вещного права. Основные различия в регулировании были связаны с действовавшими политическими режимами и формами правления.

Ключевые слова: российская империя, история иска, история права, защита собственности, иск, свод законов, РСФСР, гражданское право, ограничение виндикации

Об авторе: Серегин Кирилл Валерьевич, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры теории права факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: spartacg@mail.ru

Защита вещных прав лежит в основе экономических отношений. Так, в РСФСР защита осуществлялась посредством инструментария, указанного в гражданском кодексе 1922 г. [5]. Такой защите была посвящена отдельная глава – «Вещное право», что является новеллой, поскольку в Своде законов Российской империи, действующем в предыдущий период на территории России, отдельная глава в отношении защиты вещных прав попросту отсутствовала. В целом, нормы защищавшие вещные права в Российской империи, имели разрозненный характер и находились в рамках всего Свода законов Российской империи, что затрудняло их реализацию [8].

Согласно нормам ГК РСФСР 1922 г. собственник имел право отыскивать свое имущество из незаконного владения и требовать от недобросовестного владельца возвращения или возмещения всех доходов, которые были извлечены по средствам данной вещи или должны были быть извлечены за все время владения [5].

Идеи, нашедшие отражение в ГК РСФСР 1922 г., поддерживались известными учеными цивилистами [2, с. 56-58]. Ф.И. Волфсон раскрывал понятие виндикации в рамках советского гражданского права следующим образом: «Право собственника истребовать свою вещь от всякого, к кому такая вещь попала противозаконно, называется правом виндикации» [3, с. 75]. Схожей точки зрения придерживался и С.В. Александровский: «Виндикация вещи есть право отыскивания своего имущества, из чужого незаконного владения» [1, с. 52]. Проблемами виндикации в Российской империи занимался и К.П. Победоносцев, который не рассматривал виндикацию в качестве отдельного инструмента направленного на защиту вещного права и не употреблял термин «виндикация» [4, с. 59-60].

Таким образом, в российской цивилистике с 1922 г. началось формирование доктринального понятия виндикации в качестве отдельного способа защиты вещного права.

Особое внимание в ГК РСФСР 1922 г. уделялось вопросу возврата вещи от добросовестного владельца. Акт позволял вернуть от добросовестного приобретателя все доходы, которые он извлек и должен был извлечь посредством использования вещи, однако только за период, когда он узнал или должен был узнать о неправомерности своего владения или же ему пришла повестка по делу о возврате этого имущества [5]. Между тем, добросовестный приобретатель имел возможность требовать от собственника возмещения произведенных затрат на имущество (за срок, в который собственнику причитаются доходы). Если добросовестный приобретатель приобрел права на имущество у кого-либо, помимо собственника, можно было истребовать имущество только в двух случаях: 1) имущество было утеряно, 2) имущество было похищено.

В Своде законов Российской империи, исходя из смысла положений отделения II главы VI, тома X, которыми были урегулированы отношения по возврату имущества, в том числе и от добросовестного приобретателя, не устанавливалась обязанность собственника по выплате стоимости имущества добросовестному владельцу.

В статье 609 Свода законов устанавливалась обязанность как добросовестного, так и недобросовестного владельца по возврату имущества, вместе с тем, в отличие от ГК РСФСР 1922 г., добросовестному владельцу возмещались затраты на поддержание

имущества в надлежащем состоянии, в том числе понесенные на страхование имущества и на приращение постройки [8, с. 754]. Таким образом, в ГК РСФСР 1922 г. абсолютным приоритетом обладали права собственника, в то время как, в Своде законов Российской империи приоритет не был отдан ни добросовестному приобретателю, ни собственнику. На наш взгляд, такое различие в правовом регулировании вопроса было связано с установлением нового политического режима в России, которому необходимо было, в том числе, обеспечить и экономическую основу деятельности.

Единственным имуществом, не подлежащим виндикации, в том числе и от добросовестного владельца, было имущество, захваченное в рамках революции 1917-1922 гг. Между тем, данное правило не применялось в отношении имущества коопераций и государственных предприятий, поскольку они обладали правом неограниченной виндикации [3, с.75].

Анализируя нормы Свода законов Российской империи, можно сделать вывод, что виндикационные требования добросовестным владельцем могли быть заявлены вне зависимости от срока, за который собственнику причитались бы доходы. Кроме того, в Своде законов Российской империи отсутствовали законодательно закрепленные ограничения для виндикационных требований. Таким образом: в ГК РСФСР с 1922 г. возможность виндикация имущества у добросовестного владельца была временными рамками: с 1917 г. по 22 мая 1922 г. (имущество, полученное в этот период, нельзя было виндицировать). Такое ограничение было продиктовано классовой политикой и мотивировано интересами трудящихся.

Ограничение виндикации в Российской империи осуществлялось с помощью судебной (правоприменительной) практики путем конкретизации сферы применения виндикационных требований. Решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1878 г. №77 [6] констатировало невозможность применения такого рода требований в сфере наследственного права, а решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1879 г. №19 [7] конкретизировало процедуры заявления таких требований. Государственные же учреждения не имели каких-либо специальных прав по истребованию имущества. Все это способствовало различному толкованию Свода законов Российской империи, что, в свою очередь, затрудняло защиту вещного права путем виндикации. Напротив, законодательное закрепление ограничений для виндикационных требований в ГК РСФСР способствовало единообразию правоприменительной практики и недопущению различных трактовок норм

в данной сфере. Отсутствие же специальных прав у государственных учреждений по истребованию имущества и появление таких прав в РСФСР было классовой политикой: новый политический режим нуждался в укреплении вещных прав государственных предприятий как экономической основы.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы:

1. С 1922 г. началось формирование доктринального понятия виндикации в качестве отдельного способа защиты вещного права.

2. В соответствии с ГК РСФСР 1922 г. абсолютным приоритетом обладали собственники, в то время как в Своде законов Российской империи приоритет не был определен. На наш взгляд, такое различие в правовом регулировании было связано с установлением нового политического режима в России, которому необходимо было обеспечить и экономическую основу деятельности.

3. Особенностью регулирования вопроса возврата вещи из чужого владения в ГК РСФСР 1922 г. стало закрепление на законодательном уровне ограничений в предъявлении требований о возврате имущества, что позволяло определить рамки ограничения виндикации и не допустить расширения таких ограничений в правоприменительной практике. На наш взгляд, такое отличие связано с изменением формы правления и политического режима.

4. В ГК РСФСР имелось право неограниченной виндикации только у государства, между тем, в Российской империи у государства такое право отсутствовало. Такое различие было связано с установившейся формой правления и политическим режимом, обезопасившим таким образом имущество государственных предприятий как экономическую основу власти.

Итак, гражданским кодексом РСФСР был утвержден подход виндикации с классовых позиций, необходимый для создания экономической основы вновь установившегося политического режима.

Библиографический список:

1. Александровский С.В., Вольфсон Ф.И. Гражданский кодекс (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. Ф.И. Вольфсона. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. 152 с.
2. Вавин Н.Г. Сделки со строениями // Сборник законоположений, ведомственных инструкций, циркуляров, разъяснений и определений Верховного Суда и разъяснений III Отд. НКЮ, опубликованных по 1 марта 1926 г., по вопросу об условиях, порядке и форме совершения залога, запродажи, купли-продажи, мены, дарения и

завещания строений и права застройки. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. 223 с.

3. Вольфсон Ф.И. Учебник гражданского права: Государственным Ученым Советом допущен в качестве учебного пособия. 3-е изд. М.: Юридическое Издательство НКЮ РСФСР, 1927. 150 с.

4. Гражданский кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. СПб., 1896. 800 с.

6. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1878 г. (№ 77). СПб., 1879. С. 89-90.

7. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1879 г. (№ 19). Екатеринославль, 1904. С.45-50.

8. Свод законов гражданских и межевых: в 2 ч. // Свод законов Российской империи: В 15 т. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1832. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. С. 754.

Seregin K. V. Comparative legal analysis of the regulation of vindication in the Russian Empire and RSFSR

The study of ways to protect property rights is of great scientific and practical importance. However, as before, there is no certainty on the content of legal relations arising in connection with the protection of the rights of their rightholder, the order of application of ownership and user protection, the circle of persons entitled to protection, etc. The lack of reasoned judgments on these issues suggests the inconsistency of the practice of applying the current legislation and does not serve the purpose of stabilizing property relations.

Keywords: Russian Empire, history of claim, history of law, protection of property, claim, code of laws, RSFSR, civil law, limitation of vindication